

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

МИЛЛИОН

В ЛОХМОТЬЯХ

Николай Иванович Леонов
Алексей Викторович Макеев
Миллион в лохмотьях
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61982940
Миллион в лохмотьях. Сборник: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-115942-9

Аннотация

В Подмоскowie в заброшенном бараке найден труп мужчины, убитого тремя выстрелами из пистолета. Кому понадобилось так профессионально убивать бомжа, да еще на фоне громкой кампании помощи социально незащищенным слоям населения? Полковник МВД Гуров замечает особый почерк, которым произведен контрольный выстрел. Это рука известного киллера по кличке ЛОР. Но зачем нанимать профессионального убийцу для устранения безродного бродяги? Гуров еще и еще раз проверяет детали дела и вскоре убеждается, что нищета – это умелый маскарад, а сам погибший – совсем не тот, за кого себя выдавал...

Содержание

Миллион в лохмотьях	5
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	64
Глава 5	88
Глава 6	109
Конец ознакомительного фрагмента.	131

**Николай Иванович
Леонов, Алексей
Викторович Макеев**
Миллион в лохмотьях
Сборник

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Макеев А.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Миллион в лохмотьях

Повесть

Глава 1

Господин Динор собак не любил, вернее, так он позиционировал себя в кругу собачьих фанатов. На самом деле он скорее не признавал их право на существование как равноправных членов благородных семейств. Динор не понимал, как можно умиляться, глядя на писающего пса, или приходить в восторг в момент, когда волосатое создание пытается облобызать тебя своим шершавым языком, выбирая для совершения этой процедуры самые неподходящие части тела и самое неподходящее время суток.

Почему он, доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных, специалист в области физиологии мозга, без пяти минут почетный профессор Российской Академии наук, так упорно не желал общаться с «лучшими друзьями человека», несмотря на то что по роду научной деятельности имел с ними прямую связь? Его поведение коллегам и знакомым казалось нелогичным до тех пор, пока они не попадали к профессору в дом. Там, уже через пять минут, до них доходил смысл протеста господина

Динора.

Причина, дражайшая супруга Зинаида Трифоновна, выплывала в коридор для встречи гостей с неизменным атрибутом на руках. Атрибут, шестилетний мопс по кличке Император, восседал на пышной груди хозяйки в поистине царском облачении: золоченом костюме-тройке с обязательной бабочкой, пришитой под декоративным воротничком. В объятиях Зинаиды Трифоновны мопс чувствовал себя настолько комфортно, что его приплюснутая мордочка излучала доброжелательность на всех гостей без исключения.

Казалось бы, что в этом плохого? На гостей не лает, в обувь им не мочится, тапки не прячет – живи да радуйся. Но нет! Как показывали следующие пять минут общения с хозяйкой дома, в такой расстановке сил были существенные недостатки. Все, чем могла заниматься Зинаида Трифоновна в присутствии Императора, – это сидеть и расточать восторги по поводу и без повода, лишь бы они относились к высокочтимой особе мопса. Если Зинаида Трифоновна пыталась спустить Императора на пол, чтобы заняться гостями, или тема переходила на любой другой предмет, кроме обсуждения достоинств домашнего питомца, мопс начинал беспокойно ерзать по пышной груди, бить лапами по щекам хозяйки и при этом громко лаять.

Какое уж тут общение? Разумеется, Зинаида Трифоновна тут же переключалась на Императора, на господина Динора перенаправлялись обязанности гостеприимного хозяина,

и он принимался готовить чай, резать бутерброды и всячески развлекать гостей, будь то его коллеги или подруги Зинаиды Трифоновны. И это было бы еще полбеды, если бы подобная ситуация складывалась только в присутствии гостей. Но ведь Император не желал делить внимание Зинаиды Трифоновны с кем бы то ни было и в отсутствие таковых!

По сути, пес взял Зинаиду Трифоновну в рабство, не отпуская ее от себя ни днем, ни ночью. И вот с таким положением вещей господин Динор никак не мог примириться. Втайне от супруги он именовал мопса не иначе как узурпатор, питал к нему негативные чувства, а временами даже желал тому скорейшей кончины. Одним словом, собак господин Динор не любил. Зато питал неизбывную любовь и нежность к супруге, которой прощал все ее странности. Вот почему ранним февральским утром он оказался возле дома номер тридцать семь по улице Северной Одинцовского района в компании «узурпатора».

В Одинцово они с женой переехали сравнительно недавно, польстившись на громкие рекламные посулы, расписывающие комфорт и уединение «спальных районов». Профессорской квартиры господин Динор не заработал в силу неуживчивого характера и неумения «подмазать» кого нужно и когда нужно. Жили супруги в «однушке», доставшейся ей в наследство от дальних родственников, в районе Ясенево, и были вполне счастливы. До тех пор, пока подруга Зинаиды Трифоновны не принесла в дом идею о радужной жизни

в одинцовских многоэтажках.

Зинаида Трифоновна так загорелась чужой идеей, что всю процедуру обмена квадратных метров на аналогичные квадратные метры произвела сама, оповестив супруга о смене жилья чуть ли не в день переезда. Скромная однушка сменилась шестьюдесятью квадратами, проклинать которые Зинаида Трифоновна принялась уже спустя неделю проживания на новом месте.

Бетонные высотки, наклепленные одна на другую, не случайно прозвали в народе «человейниками». По мнению господина Динора, муравьям в их муравейниках жилось куда комфортнее, а уж о просторе и говорить не приходилось. Супругу за необдуманый поступок господин Динор не корил, смысла не было, когда все уже свершилось, жалел и старался всячески облегчить новую участь. В частности, выгуливать Императора в те моменты, когда «его величество» не желало ждать наступления рассвета, настаивая на том, чтобы справить нужду немедленно.

Единственным местом, пригодным для прогулок с собакой, в районе многоэтажных застроек оказался чудом уцелевший барак в четыре этажа, где придомовая территория все еще сохранилась в первозданном виде: с газонами, деревьями и кучей интересных для собачьей души укромных уголков. Ходить сюда было далековато, зато Император не так страдал от смены района. Найти ему друзей в железобетоне оказалось задачей невыполнимой, никто не желал ми-

риться с четвероногими агрессорами на скудных квадратных метрах, где зачастую селилась целая диаспора, поэтому приходилось довольствоваться малым. Этим малым был высокий каштан и вязевые кустарники возле тридцать седьмого дома.

Не имея возможности отказаться от процедуры выгула, господин Динор подслащивал пилюлю тем, что на протяжении всей прогулки высказывал бессловесному созданию свои претензии. Пес на ворчание профессора реагировал философски: принимал его стиль общения, подлаживался под настроение провожатого, а при появлении прохожих даже брехать начинал, точно копируя интонации господина Динора. Со стороны это выглядело весьма комично, но парочке «профессор – мопс» на это было абсолютно наплевать.

– И как только вас, мопсов, мудрые китайцы к императорскому двору допустили? Иероглиф у них, видите ли, императорский знак на лбу. Ну, где, скажи, на твоём морщинистом лбу китайцы иероглиф разглядели? Кожа, она и есть кожа, посмотрели и забыли. Так нет же, во Францию вас переправили, Англию заплотонили. Наполеоновская Жозефина вашей мнимой добротой прельстилась, королева Великобритании так вообще в ранг идолов вас возвела, а чего ради? За блестящие глаза-кругляши? За особенный окрас? Разбаловали донельзя, испортили породу, а нам теперь отдувайся.

Историю происхождения своей породы Император слушал не в первый раз, он даже слова некоторые различать на-

учился и соответственно на них реагировал. Например, когда речь заходила о жене Наполеона Жозефине, мопс вытягивал короткую шею и начинал облизывать мордочку языком. А при упоминании королевы Виктории грациозно приседал на задние лапы и мел дорожку хвостом. Профессор на выходки мопса не реагировал, а переходил к более понятным темам:

– Ты зачем снова Зинаиду Трифоновну по сусалам лупил? Гости в доме, высокочтимые люди, профессора и доценты, а ты к ним со своими вульгарными ужимками. Где ваше воспитание, господин «узурпатор»? Где, скажите, прячутся ваши императорские корни? – Как в разговоре с коллегами, когда речь заходила о серьезных вещах, профессор переходил на официальную манеру обращения, так и в беседе с мопсом он невольно начинал обращаться к нему на «вы». – Элементарная вежливость требует от вас придерживаться определенных норм поведения. Отчего же вы игнорируете их?

Мопс поджимал хвост, тихо скулил, после чего бросался лизать руки профессору. Тот брезгливо морщился, отдергивал руки и начинал распекать питомца на новый лад:

– А эта ваша манера выражать эмоции посредством языка! Я понимаю, Зинаиде Трифоновне подобные излияния чувств приятны, но зачем вы пытаетесь произвести данную процедуру с каждым встречным? Должны же быть рамки, в конце концов!

Когда мопсу надоедало слушать брюзжание профессора,

он вытягивал поводок на полную длину и принимался носиться взад-вперед по дороге до тех пор, пока провожатый не терял нить разговора, и тогда мопс имел возможность прошвырнуться по кустам в поисках интересных объектов. Шелестящий пакет из-под чипсов, пустая пластиковая бутылка, закрученная цветной крышкой, утерянный носовой платок, детская игрушка – все привлекало внимание любознательного пса. Профессор и эту привычку мопса разносил в пух и прах, но запрещать обследовать заинтересовавшие предметы не спешил.

Этим утром пес вел себя особенно беспокойно. Как только они оказались в непосредственной близости от дома номер тридцать семь, Император как-то весь ошетинился, холка напряглась, и он начал рваться с поводка. Профессор приструнил мопса, подтянув к краю дороги, и попытался сменить направление, намереваясь прогуляться до единственного в районе торгового ларька, обслуживающего население круглые сутки. У него закончились сигареты, а он любил, завершая прогулку, подымить сладким дымом с запахом вишневых косточек.

Мопс сперва послушно вернулся и даже пробежал с десятков метров в нужном направлении, но подул ветерок, и он, снова ощутив обеспокоивший его запах, рванул обратно. Рука господина Динора дернулась следом, поводок натянулся, запутался в меховой опушке куртки, и профессор чуть не выронил тяжеловесную рулетку поводка.

– Да что с тобой такое? – сердито крикнул он вдогонку мопсу. – Неужели нельзя хоть раз вести себя подобающим образом! Сюда, «узурпатор», к ноге!

Команду «к ноге» Император не выполнял и в лучшие дни, а сегодня ненавистное слово только сильнее раззадорило пса. Мопс на долю секунды оглянулся и перепрыгнул через невысокий металлический заборчик, огораживающий придомовый газон. Профессор по инерции пробежал несколько шагов вслед за ним, прежде чем ему удалось обуздать поводок. К тому моменту он уже был в ярости от выходки мопса.

– Ах ты, анархист негодный! Ну, погоди, я тебя научу подчиняться законам! – воскликнул профессор, совершенно игнорируя тот факт, что ранним утром выходного дня воспитанным людям не подобает кричать во все горло под окнами трудового народа. – На горох! Без сладкого! В кладовку!

Он выкрикивал самые действенные угрозы, какие мог придумать в состоянии гнева, но только последнее слово заставило мопса сбавить темп. Император до жути боялся темных закрытых помещений. Всего раз профессор, в отсутствие Зинаиды Трифоновны, применил к нему подобное наказание, но этот случай запечатлелся в памяти пса на веки вечные. Слово «кладовка» ассоциировалось у него с самыми страшными ужасами, чем профессор крайне редко, так как применять его мог исключительно в отсутствие супруги, но беззастенчиво использовал.

Сейчас мопс стоял в центре газона и боролся с двумя равнозначно сильными желаниями: продолжить бег и выяснить, что является источником раздражающего запаха, или же проявить благоразумие и не подвергать себя жестокому наказанию. Будучи специалистом в области физиологии желаний, профессор прекрасно понимал, какая борьба происходит в душе пса, но его проблемы и терзания господина Динора не цепляли. Настоятельную потребность поскорее убраться с чужого двора подстегивал неприятный запах, который так возбудил мирного, по сути, мопса.

– Согласен, пахнет отвратительно, – вслух произнес профессор. – Отвратно и знакомо, я бы сказал. Но нас с тобой это не касается. Даю тебе пять минут на все твои собачьи дела, и уходим.

Пес продолжал стоять на месте. Казалось, он определился, как в сложившейся ситуации следует вести себя с провожатым, и теперь воплощал идею в жизнь. Взгляд мопса буравил профессора, холка продолжала топорщиться, а задние ноги вдруг начали подрагивать. Такое Император позволял себе только в исключительных случаях, так как подрагивание означало страх, а мопс считал этот вид эмоций проявлением слабости. Император в принципе не может быть слабым.

– Ладно, не расстраивайся, – сжалился господин Динор. – И не трясись, делай свои дела. Так и быть, подожду сколько потребуется.

Мопс с места не двинулся, повел носом в сторону дома и заскулил. Профессор решил взять инициативу в свои руки: он подтянул поводок, приподнял Императора за шлейку, перенес поближе к каштану и, усадив мопса под дерево, строгим тоном приказал:

– Давай, лентяй, справляй нужду. Зинаида Трифоновна ждет тебя дома со сладеньким.

Упоминание имени хозяйки обычно действовало на Императора благотворно, а сочетание ее имени с обещанием получить угощение заставляло сорваться с места и мчать в заданном направлении с такой скоростью, что господин Динор едва-едва поспевал за ним. Так было всегда, но только не в этот раз. Слова профессора будто обозлили пса, он начал громко лаять, рваться с поводка, проявляя не просто нетерпение, а скорее агрессию. Поведение Императора не могло остаться незамеченным. Не прошло и двух минут, как из окна второго этажа высунулась пьяная физиономия и пропиитой голос огласил округу:

– Какого хрена здесь творится? – Заспанный взгляд оглядел окрестности, наткнулся на беснующуюся фигуру мопса: – Охренеть! Ну, в натуре новостройщики оборзели, недомерков своих к нам под окна срать водят!

Господин Динор попытался ретироваться, пока пьяной морде не пришло в голову забросать их с мопсом гнилыми фруктами, а то и чем похуже, но увести Императора с газона тогда, когда он сумел привлечь внимание постороннего,

оказалось задачей непосильной. А мужик со второго этажа распалялся все сильнее.

– Эй ты, деятель! – заорал он профессору. – Тебя мама в детстве не учила, что срать перед людьми нехорошо?

– Простите, молодой человек... – Обвинения пьяни господин Динор считал обоснованными, поэтому старался оставаться вежливым. – Мы уже уходим. И поверьте, справлять нужду на вашем газоне мы и не собирались.

– Ты че, мужик? Про тебя вообще речи не шло, – вытаращил тот глаза. – Я и не думал, что ты зад оголишь и усядешься гадить посреди улицы. Это уж если «кукушка» слетела, а ты вроде на психа не похож. Собака твоя – та да. Мечется по газону, как подорванная. Чего ей надо-то?

– Ее раздражает запах, – честно ответил профессор.

– Запах? Так на хрена она здесь сидит, если вонь не нравится? Шла бы домой, там небось розами пахнет.

– Видите ли, – вздохнув, начал объяснять Динор, – мозг собаки работает несколько иначе, чем мозг человека. Учувств тревожащий запах, пес не может сказать «меня это не касается». Ему необходимо докопаться до истины, а именно: выяснить, что является источником запаха, и сообщить об этом хозяину.

– То есть тебе, – сделал вывод мужик. – Так дай своему песику возможность выкопать вонючее дерьмо и преподнести тебе в подарок. Чего ты его на поводке держишь?

– Боюсь, источник запаха находится за пределами об-

щественной территории, – серьезно ответил профессор. Он давно понял, что добровольно Император от дома не уйдет. Более того, он и сам уже не мог просто взять и уйти домой, так как в какой-то момент до него дошло, что собой представляет запах, встревоживший собаку. Идентификация произошла автоматически, радости профессору это знание не прибавило, но отмахнуться от него совесть не позволяла.

– Че ты мелешь, не пойму? Источник какой-то приплел. Слушай, спать охота. Взял бы ты свою псину и двигал отсюда подобрау... – Мужик со всклоченной шевелюрой заговорил более миролюбиво, даже заботливо: – В восьмой квартире вчера гульбарий такой стоял, чертям в аду тошно стало. Разбудишь их почем зря, они тебе так накостыляют, забудешь и про запах, и про территорию.

– Скажите, а вас самого запах не смущает? – Доброжелательный тон несколько воодушевил профессора.

– Э, брат, ты, видать, мерзких запахов не нюхал. По-настоящему мерзких, – протянул мужик и сильнее свесился из окна. – Вот когда я лет пять назад на рыбзаводе разнорабочим батрачил, там такой душок стоял от гнилых рыбных кишок! Раз по три каждого работника наизнанку выворачивало.

– Не стану спорить, только здесь, полагаю, особый случай, – настаивал профессор. – Боюсь, без вмешательства полиции не обойтись.

– Сдурел, дядя? Какая полиция? В наши края такие не

заглядывают, – рассмеялся мужик и чуть не вывалился из окна.

– Осторожнее! – предостерег господин Динор. – Нам с Императором только второго трупа не хватало.

– Второго чего?

– Трупа. Видите ли, запах в вашем дворе является трупным. Выводы сделаете сами?

– Слушай, мужик, по ходу, ты все-таки псих. Ну, пахнет тухляком, и что? У нас в доме мусор не особо торопятся выносить. Свалил кто-то в гости, а пакет со всякой дрянью недоеденной в квартире оставил, вот тебе и весь труп.

– Позвольте с вами не согласиться. – Профессор слегка потянул на себя поводок, чтобы утихомирить Императора. – В студенческие годы мне довелось проходить медицинскую практику в одном из патологоанатомических отделений столицы. Так уж вышло, что отделение это принадлежало Бюро судебной экспертизы, можете представить, какого рода трупы свозились в этот морг. Запах разлагающегося тела после такой практики я и через пятьдесят лет ни с каким запахом не спутаю.

– Так ты это серьезно насчет трупа? – До мужика начало доходить, что прохожий не шутит. Верить в правдивость его предположений совсем не хотелось. – Да нет, ты гонишь! Откуда ему взяться?

– Судя по всему, из квартиры на первом этаже. Расположенной как раз под вашей.

– Ну, тут ты точно не угадал. Там и не живет никто.

– Согласен, больше не живет.

– «Черный» юмор? Оригинально. Так что делать-то?

– Вызывать полицию, полагаю.

– Тогда ты вызывай, меня они сразу пошлют, – заявил мужик. – А ты пару словечек заумных ввернешь, глядишь, и поверят.

– Но ведь я даже не живу в данном доме, – напомнил профессор. – Более логично будет обратиться в полицию вам как соседу.

– Ладно, не хочешь звонить – проваливай! Две недели жили с запахом, и еще столько же проживем. Не вечно же он вонять будет, правда?

– Послушайте, так нельзя, – растерялся господин Динор. – Должны же быть какие-то рамки.

– Какие могут быть рамки, когда речь идет о полиции? Да ты знаешь, что они первым делом сделают? – возмутился мужик. – Вижу, что не знаешь, а я знаю. Почки отобьют и признаться заставят, мол, это я его завалил.

– Кого? – не понял профессор.

– Его! Ну, или ее. Старушку процентщицу, – проявил чудеса познания классики мировой литературы мужик.

– Да почему вы решили, что проявление гражданской сознательности повлечет за собой пагубные для вас последствия?

– Потому что я давно живу на свете, – заявил мужик и

добавил: — Ну, будешь звонить? Нет, тогда пока! Приятно было поболтать, но меня дела ждут. — И он исчез в оконном проеме.

Профессор остался один на один со своей дилеммой: звонить в полицию или обратиться, от греха подальше, из этого двора? Увы, воспитание не позволило господину Динору последовать призыву разума. Вздохнув пару раз, он достал из кармана мобильный телефон и набрал номер Службы спасения.

«Четвертая власть, мать ее так! Проклятые журналюги! Что за народ, им бы только сенсацию подавай. Понятное дело, они свои денежки получили, а там хоть трава не расти». Гневные мысли терзали мозг полковника Льва Гурова, старшего оперуполномоченного Главного управления уголовного розыска Москвы, пока его «Рено» накручивал километры до Одинцова. Негодование полковника родилось не на пустом месте. Обычно он реагировал на выходки представителей прессы более спокойно. Каждый зарабатывает свой хлеб так, как считает нужным. Порой полковнику приходилось обращаться за помощью к вездесущим журналистам, и за помощь эту он был благодарен. Но сегодняшний инцидент в кабинете непосредственного начальника генерала Орлова напрочь лишил Гурова лояльности по отношению к журналистской братии, и их умение раздувать из ничтожного события глобальную проблему в данной ситуации его не уми-

ляло.

Был и еще один фактор, который в немалой степени повлиял на восприятие проблемы. Пожалуй, этот фактор и стал ключевым. Почему? Да потому что люди – не супергерои, их ресурсы, физические, эмоциональные, психические и даже физиологические, не беспредельны. Рано или поздно наступает предел. Даже у сотрудников полиции. Когда генерал вызвал его в свой кабинет, жизненные ресурсы полковника находились как раз на грани этого самого истощения.

Суток не прошло после завершения утомительно сложного дела, которое они со Станиславом Крячко распутывали целый месяц. Дома почти не появлялись, спали по три часа в сутки, бензина искали цистерну железнодорожную, и вот когда только-только забрезжил долгожданный отдых, от Орлова пришел вызов. Гуров думал, что генерал с отчетом по завершённому делу поторопить хочет, но просчитался. У генерала для него оказался совсем иной сюрприз.

Само дело, которым генерал решил озадачить полковника, выведенного яйца не стоило. В районе Одинцова в многоквартирной постройке барачного типа обнаружили труп мужчины. Соседи, сплошь контингент асоциального формата, ничего вразумительного про покойного сказать не смогли по вполне понятным причинам. В том состоянии, в котором они пребывали изо дня в день, за собой и то сложно уследить, не то что за соседями. Типичная ситуация для неблагополучных районов: одни пьют, другие воруют, третьи уми-

рают. Как ни крути, а дело на сенсацию не тянет.

Но в этот раз журналисты подняли вокруг дела шумиху, а все потому, что на протяжении нескольких месяцев все московские СМИ освещали новую депутатскую инициативу. Какая-то партия решила, что пришло время выделиться из общей массы. Что для этого нужно? Что-то глобальное и обязательно социально значимое. Думали депутаты, думали и придумали. Выдвинули проект «Юридическая помощь социально незащищенным слоям населения». Звучит весомо, а на деле так – пшик один. Пару раз собрали в кучку юристов и психологов, чтобы те с экранов телевизоров возвестили благую весть: любой житель Москвы в определенный срок может получить бесплатную консультацию по правовым и социальным вопросам. И все бы ничего, но! Ведь все средства массовой информации ежедневно крутили ролики, где городские «шишки» били себя в грудь, расписывая, как они жаждут оказать социальную поддержку инвалидам, ветеранам и просто бедным людям с пригорода столицы. А тут это убийство. Журналисты ухватились за возможность помакать городские власти мордой в грязь, те напрягли высокие полицейские чины, в итоге дело было передано в Главк, а генерал перепоручил его Гурову.

Дело, с которым справился бы и участковый инспектор, лишило полковника заслуженного отдыха, да еще в нагрузку повесило ему на шею целую когорту надсмотрщиков в виде высокого начальства, стоящего над генералом, и недрем-

лющего журналистского ока. Ну как тут не злиться? Любой на месте Гурова испытывал бы негодование. К тому же генерал заявил, что, раз Лев считает дело таким пустяковым, значит, помощники ему не понадобятся, и отправил Крячко в недельный отпуск! Мог ли Гуров, зная, каким был последний месяц для напарника, настаивать на привлечении его к делу? Разумеется, нет, на то и был расчет Орлова. Одним махом и Крячко услугу оказал, и его, Гурова, проучил.

Теперь ему, хочет он этого или не хочет, придется в одиночку копать в грязном белье жителей неблагополучного района, а отдых с семьей, о котором он так мечтал, снова отложится на неопределенный срок. Перед отъездом Лев успел пробежать глазами несколько статей по теме нашумевшего проекта и того, каким образом журналисты привязали к нему труп из Одинцова. Подана тема была эффектно: почти в каждой статье использовалось словосочетание «беспрецедентный в своем цинизме» или что-то подобное. Депутатов с их инициативой поливали грязью не из ушата, а прямо из бочки. Особенно старался некий Анатолий Трегубцев из издания «Вся правда». Гуров сомневался, присутствовала ли в статьях Трегубцева хоть мизерная доля правды, так как «факты», как называл их сам журналист, в его статьях менялись без зазрения совести.

Инцидент в барачной постройке Одинцова журналисты упоминали как-то вскользь. Из их статей невозможно было сделать вывод даже о том, каким образом квалифицируют

дело сотрудики правовых структур. Убийство ли это, самоубийство или несчастный случай, казалось, журналистам до этого нет никакого дела. Труп есть, чего же еще? Жил человек, нуждался в юридической, социальной и психологической помощи, а ему не помогли. Да еще во время продвижения проекта, на который из бюджета выделили немалые деньги. Куда ушли деньги? Кому? Пожалуй, этот вопрос интересовал общественность больше всего.

Впрочем, самого Гурова в детали тоже не посвятили. Нет, что труп организовался в результате насильственных действий, генерал сообщил, но не более того. И даже не так. Фраза звучала следующим образом: «предположительно, в результате насильственных действий», а это существенная разница. «Вот будет номер, если на месте я обнаружу, что мужик скончался от банального инфаркта или просто от старости, – размышлял Лев. – Уж журналисты посмеются. Старший оперуполномоченный уголовки примчал отдать последние почести скончавшемуся пропойце. Так и вижу заголовки в газетах».

По приезде в Одинцово он должен был связаться со следователем из второго отдела полиции, в обязанности которого вменили ввести полковника в курс дела. Ни номера телефона, ни других координат в пылу спора генерал Гурову не выдал, а звонить и уточнять Лев не хотел. «На месте разберусь, – решил он. – Не проблема найти следователя, ведущего дело, из-за которого подняли такую шумиху. Уж его-то

должны были оповестить о том, что помощь из Главка идет. Я бы сказал, не помощь, а спасение. Будь я на месте этого следака, так на пороге бы избавителя ждал».

Впереди показался указатель, машина въехала в Одинцовский район. Гурову пришлось трижды свернуть, прежде чем навигатор оповестил, что цель поездки достигнута. Машина остановилась перед двухэтажным зданием с невысоким крыльцом под крышей в виде игрушечного домика. Лев вышел из машины и остановился на тротуаре. «Вот и прибыли. Что-то ждет впереди?» – подумал он.

Глава 2

– Послушайте, милейший! Нельзя же так с людьми обращаться! Я простоял здесь добрых пять часов, а очередь до меня все не дошла. Должны же быть какие-то рамки, приоритеты, в конце концов!

Возмущенная тирада принадлежала господину Динору, и направлена она была на человека в форме и при погонах. Просунув голову в дверной проем, профессор старался не смотреть по сторонам и дышать как можно реже. Запах, который он на пару с Императором уловил на улице, в квартире усилился десятикратно и буквально душил, но бездействовать далее не было сил.

– Я вам не милейший, гражданин Дюпон, – раздраженно бросил мужчина в форме.

– Динор, с вашего позволения, – поправил его профессор.

– Я – представитель правопорядка, и приоритеты у меня соответствующие, – проигнорировал замечание профессора представитель правопорядка и начал сыпать профессиональными терминами: – Есть определенный порядок, согласно ему я и действую. Вы хоть что-то знаете о комплексе первоначальных следственных и розыскных действий? Определение места совершения убийства, установление изменений на месте происшествия, установление личности жертвы, времени наступления смерти, выяснение механизма действий

преступника, учитывая возможность инсценировки, а также установление лиц, находившихся или могущих находиться на месте убийства или поблизости. Выяснение целей и мотивов убийства. Все это первостепенные задачи, решаемые оперативной группой на выезде. Допрос свидетелей также входит в перечень оперативно-розыскных мероприятий, а вы, гражданин Дюпон, являетесь главным свидетелем, пока не будет доказано обратное. Так что отойдите в сторону и не мешайте следствию!

– Ваши заботы я прекрасно понимаю. – На этот раз профессор не стал указывать следователю на неточность произнесения своей фамилии, поток специфических фраз особого впечатления на него не произвел, а лишь раздосадовал. – Но и вы поймите меня! Я вышел из дома на тридцать минут выгулять собаку. Моя супруга с ума сходит от беспокойства, и одному Богу известно, что ждет меня по возвращении. Вы просто не знаете Зинаиды Трифоновны, у нее тонкая душевная организация, и малейшее волнение ей противопоказано. Категорически противопоказано, понимаете?

– Прикажете мне бросить труп и заняться Зинаидой Трифоновной?

Фраза прозвучала двусмысленно, и господин Динор отступил, не видя смысла в продолжении дискуссии. Сейчас он уже жалел о своей опрометчивости. Зачем только он полез в это дело? Ведь мог же не звонить в полицию, мог спокойно уйти. Забыть о запахе, наплевать на условности. Сейчас

бы сидел под боком у Зинаиды Трифоновны, жевал сдобные булки и изучал очередной выпуск журнала «Инновации в психиатрии» или смотрел передачи по ютуб-каналу. А труп? По большому счету, его это не касается.

Но он не ушел. Он набрал номер и теперь расплачивается за собственную глупость. Сперва его долго мурыжила на трубке некая особа, принявшая вызов. Кто звонит, с какой целью, уверен ли он в своих словах. Затем особа перевела его в дежурную часть ближайшего отдела полиции, где за него взялся полицейский чин. Здесь вопросы пошли более конкретные: фамилия, инициалы, место работы, контактный телефон, точный адрес местонахождения. Затем полицейский чин приказал оставаться на месте до прибытия оперативной группы во главе со следователем Маркушиным. Господин Динор убрал телефон и принялся ждать. Ожидание затянулось минут на сорок, если не больше. Когда прибыла оперативная группа, для профессора началось новое испытание. Его объявили главным свидетелем и понятым в одном лице и потащили в подъезд, где методом нюха определили точное место источника запаха.

Позвонили в соседние квартиры, расположенные на первом этаже. Соседей дома не оказалось. Пошли по этажам. На третьем вытащили из постели полупьяного соседа и принялись расспрашивать о жильце из квартиры номер три. Полупьяный сосед ничего вразумительного сказать не смог, понятым же его, по вполне понятным причинам, следователь

Маркушин задействовать не имел права. Пришлось отправить пьянчужку отсыпаться. Тогда Маркушин послал одного из оперативников на улицу, ловить прохожих. Только спустя двадцать минут заполучили второго понятого, неказистого старичка, проживающего в соседнем подъезде. Возраст старичка приближался к восьмидесяти, но выглядел он довольно бодро.

Далее дело пошло быстрее. Вскрыли дверь квартиры, из которой исходил запах, проникли внутрь и затащили следом за собой профессора и старичка. Оказавшись в эпицентре мерзопакостного запаха, господин Динор почувствовал дурноту. Он попытался ретироваться на лестничную площадку, но не тут-то было. Следовательно Маркушин дал ему категорический отказ, заявив, что тот может блевать в пакет сколько душе угодно, но на осмотре присутствовать обязан, и сунул ему в руку грязный пакет из супермаркета.

Блевать в присутствии такого количества людей профессор не стал. Кое-как справившись с дурнотой, он битых два часа простоял в дверном проеме между кухней и коридором, откуда просматривалась и комната. В центре комнаты на кроваво-красном паласе лежало тело мужчины. Состояние трупа оставляло желать лучшего. Даже неискушенному в следственных делах господину Динору с первого взгляда было ясно, что пролежал он здесь достаточно долго. Труп, что называется, успел «потечь», гнилостные пятна присутствовали и на лице, и на открытых частях тела.

Как ни старался профессор не смотреть на труп, глаза сами к нему возвращались. Одежда мужчины говорила о том, что в квартире он оказался не случайно: укороченные брюки домашнего формата, то ли пижамные, то ли из категории «доносить и выбросить», белая футболка с коротким рукавом и надписью «Я люблю Россию» через всю грудь, стоптанные тапочки на босу ногу. Так мужчина может одеваться лишь в собственном доме или в доме, который считает своим.

Поза мужчины казалась естественной, будто он прилег ненадолго на палас просто отдохнуть. Руки откинuty наверх, ноги вытянуты вперед, выражение лица – безмятежно-расслабленное. Ни дать, ни взять, курортник на пляже, если бы не два кровавых следа, растекшихся по груди, и не дыра в подбородке, которые явственно свидетельствовали о насильственной смерти. Парни из оперативной группы и эксперт-криминалист медленно перемещались по комнате, отыскивая улики, способные «рассказать» следователю, что же здесь произошло. Судебный медик корпел над трупом, собирая одному ему видимые частицы пороха, фиксируя характер входных и выходных отверстий. Судебный фотограф без устали щелкал аппаратом, расставляя возле улик пронумерованные таблички.

Все были заняты делом, и только следователь Маркушин переходить к своим прямым обязанностям не спешил. Он то безучастно смотрел в окно, барабанил пальцами по под-

оконнику, то доставал мобильный телефон и, тыча пальцем в экран, просматривал новостные ленты, а то и вовсе начинал беззастенчиво зевать, даже не прикрывая рот ладонью. Время от времени кто-то из оперативной группы обращался к нему с вопросом, он нехотя отвечал и снова становился безучастным, будто все происходящее его не касалось.

В начале осмотра к господину Динору и старичку-понятому еще обращались с формальными заявлениями типа: «обратите внимание, дверь помещения заперта английским замком, следы взлома отсутствуют», или «прошу запомнить, поза трупа зафиксирована на цифровом носителе, до начала осмотра поза не изменялась», но постепенно обращения сошли на «нет», и члены группы делали свою работу молча. Устав от монотонной деятельности криминалистов и экспертов, за которой были вынуждены наблюдать понятия, профессор решил обратиться к следователю с вопросом: когда же он получит возможность уйти?

Маркушин сухо отбрил его, заявив, что пробыть в квартире придется столько, сколько потребуется. Когда криминалисты сообщили, что с осмотром закончили, понятым было велено поставить под протоколом осмотра подписи, и старичка благополучно отпустили. Профессору же снова было велено ждать. Из квартиры его выставили, но разрешения идти домой он так и не получил.

Господин Динор выждал еще какое-то время и снова подступил к следователю. Почему он не может уйти, старичка

ведь отпустили? И тут выяснилось, что показания с него еще никто не снимал, а без этого дорога домой ему заказана. Профессор задал резонный вопрос: кто и когда будет его опрашивать и почему этого не может сделать следователь, он ведь ничем в данный момент не занят. Вопрос он задал одному из оперативников, когда тот вышел в подъезд покурить, и ответ оперативника его озадачил. Оказалось, снимать показания с него будет именно следователь, а уж по какой причине тот тянет, оперативнику неизвестно.

Вот тогда господин Динор и сунулся за разъяснениями в квартиру, за что получил пошловатую фразу от следователя Маркушина. После этого ему пришлось прождать еще с час, прежде чем Маркушин соизволил снизойти до опроса «главного свидетеля». Профессор так и не понял, чему он стал свидетелем, но выяснять это ни сил, ни желания у него уже не осталось. Сам опрос занял, от силы, десять минут, после чего его заставили подписать целую кучу бумаг, затем сообщили, что он свободен, не забыв упомянуть о том, что его в любой момент могут вызвать в полицию для уточнения деталей.

Спустя двое суток господин Динор стоял у двери кабинета следователя Маркушина, прижимая к груди пропуск, печальным взглядом смотрел вдаль и размышлял о том, как нецелесообразно быть законопослушным гражданином. Вереница картин и образов двухдневной давности проносилась перед его мысленным взглядом, заставляя сожалеть о злопо-

лучном звонке все больше и больше. Сколько времени потеряно, сколько сил и нервов истрачено впустую! А что пришлось ему вытерпеть от Зинаиды Трифоновны, даже вспоминать жутко. По возвращении домой его ждал трагикомический спектакль, в котором в главной роли выступала его супруга. Едва профессор переступил порог, как Зинаида Трифоновна налетела на него, словно коршун на цыпленка. Да, да, именно так он себя и чувствовал. Сперва она надавала господину Динор пощечин, затем вырвала из рук профессора пса, прижала того к необъятной груди и громко разрыдалась. Несмотря на то что по дороге домой профессор готовился к бурной реакции супруги, такого он никак не ожидал. Какое-то время стоял и ошарашенно наблюдал за истерикой супруги, затем все же взял себя в руки и принялся успокаивать жену.

Успокаиваться Зинаида Трифоновна никак не хотела. Она рыдала все громче и громче, ее тело сотрясалось все сильнее, руки ослабли, и в итоге она чуть не выронила Императора, господин Динор едва успел подхватить упитанное тельце. Даже пес оказался совершенно не готов к всплеску эмоций хозяйки. Попав в руки господина Динора, он заскулил и начал проситься на пол. Профессор выпустил пса, и тот помчался без оглядки в соседнюю комнату. Так как руки у господина Динора освободились, он крепко обнял жену и начал баюкать ее, как дитя. Так они простояли с полчаса, прежде чем истерика супруги перешла в чуть слышные всхлипыва-

ния.

Профессор понял, что гроза миновала, отвел жену в спальню, уложил в постель и поплелся на кухню за успокоительным. Напоив ее настойкой валерианы и пустырника, он получил возможность рассказать о причине столь долгого отсутствия. Услышав об убийстве, Зинаида Трифоновна чуть было снова не впала в истерику, но на этот раз господин Динор был начеку и сделал все, чтобы не допустить новой истерики. И вот новое испытание. Сколько он ждет, когда следователь Маркушин пригласит его в кабинет, – полчаса, час? Возможно, и дольше, а ведь ему назначено на конкретное время. Зачем тогда обозначать сроки, если знаешь, что они все равно будут проигнорированы? И чем так сильно может быть занят следователь, что не укладывается в им же самим определенные временные рамки? Профессор подозревал, что следователь снова попросту тянет время, но поделать с этим ничего не мог.

В коридоре, где он томился в ожидании, появился мужчина в штатском. Похоже, в отделение он попал впервые: шел медленно, вертел головой по сторонам, вероятно, отыскивая нужную надпись на двери. Профессор не ошибся. Дойдя до двери, возле которой он стоял, мужчина внимательно изучил табличку и перевел взгляд на профессора.

– Вы к следователю Маркушину? – спросил господин Динор.

– По всей видимости, да, – ответил мужчина и взялся за

дверную ручку, намереваясь войти.

– Вам назначено? – Вопрос профессора задержал мужчину. – Если нет, не советую туда соваться.

– Интересно, почему? – Брови мужчины удивленно поползли вверх.

– Потому что он вас все равно не примет, так хоть избежите нудной отповеди, – пояснил профессор. – Он тех, кто по записи, и то принять не в состоянии. Мой вам совет: идите к дежурному, запишитесь как положено и приходите в назначенный день.

– А если у меня безотлагательное дело? Если я важный свидетель? – не сдавался мужчина.

– Без разницы. Я тоже вроде как важный свидетель, причем, по утверждению самого следователя, а вот смотрите, стою тут больше часа и жду очереди.

– По какому делу, если не секрет?

– Убийство, – коротко бросил профессор. – Нашел труп и имел неосторожность сообщить об этом властям. Результат – два дня потерянного времени, куча истрепанных нервов и жена с нервным срывом.

– Как же вас угораздило труп найти?

– Случайно, разумеется. Собственно, я нашел не сам труп, а лишь предположил его наличие по запаху. Так сказать, имел неосторожность выгуливать пса возле неблагополучных бараков. Ну а дальше все так закрутилось...

– Возле бараков? – нахмурился мужчина. – Интересно.

Как ваша фамилия?

– Динор, – на автомате ответил профессор.

Он собрался в знак взаимной вежливости вернуть вопрос собеседнику, но не успел, мужчина потянул дверь на себя и решительно вошел в кабинет. Не прошло и полминуты, как он выглянул из кабинета следователя и уверенно произнес:

– Гражданин Динор, заходите!

Профессор сорвался с места, даже не поинтересовавшись, почему это пришлый человек так лихо отдаёт команды. Главное, что больше ждать не нужно, а остальное второстепенно.

Следователь Маркушин сидел в кресле спиной к окну, лицо выражало смесь раздражения и испуга. На господина Динора он даже не взглянул. Пришлый мужчина жестом предложил профессору занять свободный стул возле стола следователя, после чего представился:

– Полковник Гуров, Лев Иванович, старший оперуполномоченный по особо важным делам, Московский уголовный розыск. – Обращался он к профессору, но тому почему-то показалось, что слова его в большей степени были адресованы следователю. – Полагаю, своим вызовом вы обязаны моему приезду, в связи с чем от лица товарища следователя и от своего лица приношу вам извинения за задержку. Думаю, товарищ следователь меня поддержит.

– В принципе, никакой задержки не случилось, гражданину Дюпону было назначено ориентировочное время.

– Моя фамилия Динор, – осмелев, поправил профессор.

– Это не столь существенно, – начал Маркушин, но под строгим взглядом Гурова осекся. – Впрочем, к извинениям присоединяюсь, гражданин Динор.

– Как ваше имя-отчество? – спросил Гуров.

– Давид Моисеевич, – представился господин Динор.

– Отлично. Раз с формальностями закончили, перейдем к делу. У вас к гражданину Динору есть вопросы, верно? – Гуров снова обратился к следователю. – Можете приступать.

– Наверное, сначала лучше ввести вас в курс дела, – начал Маркушин, – чтобы вы сразу ориентировались в ситуации.

– Это подождет, – коротко бросил Лев и, сдвинув стул поближе к стене, сел так, чтобы не мешать следователю общаться со свидетелем.

Он понимал, что Маркушину не понравилось то, как началось их знакомство, и полагал, что впоследствии ему это обязательно аукнется, но сейчас его это мало волновало. Войдя в кабинет, он увидел картину, возмущившую его до глубины души, поэтому и реакция оказалась соответствующей. Да и как не возмутиться? Все планы Гурова пошли прахом, свидетель мается в коридоре в ожидании приема, а следователь Маркушин сидит в кабинете и играет в тетрис. Хорошее дело, ничего не скажешь. Ждет, когда приедет дядя с Петровки и разгребет за него всю грязь!

На какое-то время в кабинете повисла тишина, следователь явно не знал, с чего начать в сложившейся ситуации. Молчал и господин Динор, так как представления не имел,

зачем вновь мог понадобиться следователю. Полковник же молчал, полагая, что достаточно покомандовал в чужом кабинете.

Маркушин побарабанил пальцами по столу, переложил папки с одного края стола на другой, пару раз щелкнул мышью, наведя ее на пустой экран, затем откашлялся и, видимо, придя к какому-то решению, произнес:

– Гражданин Динор, нам необходимо уточнить некоторые детали, а именно, при каких обстоятельствах вы обнаружили тело.

– Позвольте, но ведь тело обнаружил вовсе не я, – возразил профессор.

– Это детали, – оборвал его следователь. – Позвольте мне продолжить. Итак, двенадцатого февраля в шесть тридцать утра вы находились на улице Северной возле дома номер тридцать семь, когда почувствовали в воздухе сладковатый запах, идентифицированный вами как запах трупного разложения. Пока все верно?

– Точного времени, когда я почувствовал запах, сказать не могу, как-то не было необходимости его засекасть. Я ведь просто гулял с собакой, собственно, мой пес учуял запах раньше меня. Если это принципиально, конечно.

– Не имеет значения, – снова оборвал профессора следователь. – Сколько времени прошло с того момента, как вы почувствовали запах и до звонка в органы?

– Послушайте, я вообще не смотрел на часы, – раздражен-

но бросил господин Динор. — Я гулял с собакой. Вышел из дома около шести, до барачков идти минут двадцать, если не спеша и с остановками, необходимыми псу, то и все тридцать. Возможно, к барачку мы подошли и в шесть тридцать. Император, так зовут моего пса, заволновался сразу, ему не понравилось, как пахнет во дворе. Сколько времени мне понадобилось на то, чтобы понять, что является источником раздражающего запаха, я никак определить не смогу. Император бегал по газону, потом я пытался его увести, потом из окна второго этажа выглянул жилец дома. Какое-то время мы потратили на беседу, и только после этого я вызвал полицию.

— Почему затащили со звонком?

— Да потому, что мне не каждый день приходится нюхать трупы, чтобы я вот так, с ходу, смог определить, чем пахнет воздух, — вспыхнул профессор.

— Но запах разлагающейся плоти вам все же знаком, верно?

— Да, верно. Какое-то время, в период студенческой практики, я проходил обучение в городском морге.

— Отлично, так и отметим в протоколе. Следующий вопрос: вы заявили, что некоторое время общались с жильцом дома номер тридцать семь по улице Северной. О чем именно шла речь?

— Он возмутился тем, что мой пес громко лает и мешает спать, — после короткой паузы ответил профессор.

– И это все?

– Нет, я попытался увести Императора с газона, но он уходить категорически отказался. Из-за запаха. Тогда я спросил мужчину, не мешает ли ему запах и не считает ли он, что требуется вмешательство полиции. Вызывать полицию он отказался, после чего скрылся в квартире. Дальше мне пришлось действовать самостоятельно.

– Это все, гражданин Динор, – внезапно заявил Маркушин. – Подождите в коридоре. Возможно, у полковника к вам возникнут вопросы, после того как он будет введен в курс дела.

Полковник и профессор в недоумении воззрились на следователя, затем на короткий миг их взгляды встретились и снова перешли на следователя. «Вот стервец, – мысленно выругался Гуров. – Сумел-таки на меня стрелки перевести». Господин Динор лишь обреченно вздохнул и поплелся в коридор.

Когда он ретировался, следователь Маркушин приступил к освещению текущей ситуации. Картина складывалась следующая: труп, обнаруженный в квартире, по предварительным следственным данным, принадлежал гражданину Кудряшову Евгению Григорьевичу, тридцати шести лет. Это следовало из обнаруженных в квартире документов. Паспорт на имя Кудряшова был найден в прикроватной тумбочке. Идентификация по фото с документа была произведена спустя сутки, а официального документа, подтверждающего

факт принадлежности удостоверения личности труп, следовательно все еще не получил.

Согласно предварительным данным смерть наступила в результате огнестрельного ранения в грудь. Всего ранений было три: два выстрела в грудь, один – в подбородок. Выстрелы произведены с близкого расстояния, одна из пуль прошла через сердце. Ориентировочно, с момента наступления смерти прошло не менее трех недель. Орудие убийства на месте преступления не обнаружено, стреляных гильз тоже. Пули, извлеченные из трупа, идентифицированы как используемые для стрельбы из оружия системы «Макаров».

Следов взлома на входной двери и замке не обнаружено, также не обнаружены следы борьбы в помещении. Осмотр квартиры показал, что находится она в жилом состоянии, хотя опрос соседей дал несколько иные результаты. С погибшим в доме не был знаком ни один из опрошенных жильцов. Следствие начало работу над установлением возможного места работы погибшего и наличием родственников. На момент приезда Гурова оба эти вопроса оставались без ответа. В базе данных МВД Кудряшов не числился, по базам ГИБДД, как владелец автотранспорта, не проходил.

В сущности, это были все данные, которыми располагало следствие. Сказать, что работа проведена из рук вон плохо, значит ничего не сказать, так рассуждал Гуров, слушая апатичный доклад Маркушина. Поквартирный опрос проведен спустя рукава, осмотр квартиры поверхностный, отчет-

го непродуктивный, работа оперативников по установлению связей жертвы и того хуже. За что зацепиться, непонятно. Ясно одно – заниматься раскрытием преступления, совершенного в неблагополучном районе, где контингент проживающих состоит сплошь из безработных и лиц, находящихся в трудных социальных обстоятельствах, как принято сейчас обозначать всех алкашей и тунеядцев, органы Одинцовского района не собирались. Если бы не шумиха прессы, то огнестрел ушел бы в архив под ярлыком «глухарь» быстрее, чем тело несчастного Кудряшова увидело бы землю.

Но в данной ситуации начальник Одинцовского отдела полиции просто не может себе этого позволить. С десятков крупных изданий следят за развитием событий, а дело поставлено на особый контроль самим мэром столицы и теперь курируется представителем аппарата мэрии Москвы. При чем отчет представители власти и прессы будут требовать не с начальника Одинцовского отдела полиции, а с него, с полковника Гурова. Перспектива не из приятных.

Лев собрал копии всех протоколов, отчетов и докладов, контактные данные по лицам, ранее привлеченным к осмотру места происшествия и последующему расследованию, и отправился собирать собственные данные, факты и улики.

Глава 3

Первым делом он отправился в морг, куда доставили тело Кудряшова. Там его встретил солидного вида мужчина, представился штатным судмедэкспертом и проводил в так называемую «секционную», насчитывавшую порядка шести холодильных камер. Тело Кудряшова извлекли из камеры, судмедэксперт коротко описал состояние трупа на момент начала экспертизы, затем перешел к деталям, которые, по его мнению, могли заинтересовать полковника.

Таковых оказалось немного, но они наводили на размышления. Эксперт отметил, что при жизни убитый наверняка следил за своим здоровьем и физической формой. Хронических заболеваний выявить не удалось, мышечная масса, даже в том виде, в котором она предстала перед экспертом, говорила о регулярных физических упражнениях. Не нагрузках, а именно упражнениях, так заявил эксперт. Ни язвенных изменений в области желудочно-кишечного тракта, ни патологических изменений печени, характерных для людей, злоупотребляющих алкоголем, ни наличия в легких следов никотиновой зависимости. Ну, просто образец здорового образа жизни. Даже зубы убитого находились в идеальном состоянии: ни одного незалеченного зуба, или следов кариеса. Шрамов, переломов, ушибов, наколок на теле не обнаружено: ни застарелых, ни свежих. Имелось небольшое искрив-

ление ногтевой пластины на большом пальце правой ноги, и только. По предположению эксперта искривление могло появиться и после смерти, так как нога покойного упиралась в ножку стола, следов прижизненного хирургического вмешательства обнаружить не удалось.

К смерти, по мнению эксперта, привел первый же выстрел, но умер мужчина не мгновенно, а спустя какое-то время. Времени этого могло хватить на то, чтобы переместиться из коридора в комнату, если брать за рабочую версию ситуацию, когда убитый сам открыл дверь убийце. Так как пуля застряла в теле покойного, следы крови в коридоре отсутствуют. Второй выстрел, с большей долей вероятности, убийца произвел, уже будучи в квартире. От второго выстрела Кудряшов упал, о чем свидетельствуют следы крови на паласе. Когда убийца произвел третий контрольный выстрел, Кудряшов был уже мертв.

По мнению эксперта, выстрелы мог произвести как профессионал, так и человек, впервые взявший в руки оружие. Этот вопрос Гурову предстояло выяснить как можно скорее. Определение портрета убийцы – важная часть в ходе любого расследования, а в случаях, когда убийство совершено с применением огнестрельного оружия, особенно.

– Ситуация странная, – резюмировал эксперт, после того как они с полковником обсудили все детали. – Забрали мы труп из барака, в котором собрался весь сброд. Видели бы вы тех свидетелей, которых пришлось опрашивать нашим опе-

ративникам. Сплошь пропитые морды, годами не встречавшиеся ни с мылом, ни с зубной щеткой. Логично было бы предположить, что наш покойник из той же категории, но, как видите, экспертиза показывает обратное. Кудряшов свое здоровье берег, одни зубы чего стоят. И ведь не в дешевых стоматологичках пломбы ставил, это я вам с гарантией могу заявить. Напрашивается вопрос: зачем такому лощеному типу понадобилось селиться в затрапезном бараке?

– Ну, жизненные ситуации бывают разные, – заметил Лев. – Сейчас ты на коне, имеешь возможность посещать дорогого стоматолога, заниматься в элитном спортивном зале, а через месяц на буханку хлеба еле-еле наскребашь.

– Так-то оно так, только не похоже, чтобы Кудряшов испытывал денежные затруднения. Почитайте отчет: в холодильнике севрюга, копченая колбаса в нарезке, остатки фруктов, в навесном шкафу початая бутылка коньяка импортного, ценник на который начинается от четырех тысяч за поллитровку.

– Это тоже оперативники рассказали? – усмехнулся Лев.

– Само собой, обсудить странного «жмурика» – святое дело, – улыбнулся эксперт. – А мебелишка в комнате самая что ни на есть дешевая, и одежды в шкафу кот наплакал. Вся в размер, но будто в комиссионке приобретенная. Ногти при жизни покойный маникюром баловал, а рубашки из низкосортного хлопка покупал. Странно? Не то слово. Впрочем, у каждого свои странности. Кто-то по еде прикалывается, кто-

то по шмоткам, а кому-то все эти бытовые мелочи до лампочки. Я вот знал мужика, так он, вроде нашего Кудряшова, жил в бараке в Мытищах, а ездил на «Ауди» за семь миллионов. Чудной типчик. Купил ее «убитой» по случаю, восстановил собственноручно и щеголял по городу. При этом был совершенно счастлив. У него на кухне кран изолентой перемотан, бачок унитаза воду через раз сливает, а он на масло для своей машины деньги экономит.

– Ладно, разберемся. Спасибо за помощь, – кивнул Гуров, протягивая руку для рукопожатия.

– Обращайтесь. – Эксперт пожал протянутую руку и проводил его до выхода.

Выйдя из морга, Лев решил, что пришло время осмотреть квартиру покойного. Он набрал номер телефона оперативника, проводившего осмотр места происшествия в день вызова. Его номер в числе других номеров дал следователь Маркушин, заявив, что все вопросы он может решать через старшего лейтенанта Федосова.

– Федосов на проводе, – послышался в трубке бодрый голос.

– Добрый день, полковник Гуров, – представился Лев. – По поводу убийства на Северной улице.

– Здравия желаю! Я в курсе, капитан Маркушин предупредил, что вы будете звонить. Хотите встретиться?

– Было бы неплохо.

– Где вы сейчас находитесь? Я на машине, могу подъехать.

– У судебного морга. Но лучше встретимся у дома убитого, не будем терять время.

– Вряд ли вы его без меня найдете, – заметил Федосов. – Он на отшибе стоит, многоэтажками застроен, и навигатор его почему-то отказывается показывать.

– Ориентир какой-нибудь есть?

– Езжайте от морга по прямой, у магазина «Все в дом» свернете налево, там я вас встречу, – сказал Федосов.

Спустя полчаса Гуров жал руку старшему лейтенанту. Внешне Федосов чем-то напоминал зарубежного киноактера: густые ресницы, дымчато-серые глаза, правильной формы нос и широкая белозубая улыбка. Форменный китель несколько сглаживал впечатление, добавляя лейтенанту натуральности. Однако хватка у него оказалась деловая, он не стал ходить кругами, лить воду и пересказывать все то, что было в отчетах. «Лучше я вам все на месте покажу. Езжайте за мной, тут каких-то двадцать минут хода», – заявил он и, сев в свой автомобиль, направился к улице Северной.

На контрасте с новыми высотками четырехэтажный барак выглядел убого. Истертые от времени стены грязно-серого цвета, давно позабытые деревянные оконные рамы с остатками облупившейся краски, полусгнившие ступени крыльца в деревянном исполнении и тошнотворный запах грязи и тления в подъезде – все это наводило тоску. Федосов хозяйским жестом распахнул перед полковником покосившуюся подъездную дверь:

– Проходите, товарищ полковник, квартира, которая нас интересует, направо от лестницы.

Гуров с опаской вошел в подъезд; как он и предполагал, освещение здесь отсутствовало. На площадке первого этажа располагалось три квартиры. Две двери деревянные, обитые простой кухонной клеенкой. Та, на которую указал Федосов, чуть поновее, в металлической оправе, правда, не лучшего качества.

– Контингент здесь специфичный, так что опечатывать квартиру обычными способами смысла нет, – произнес Федосов, указывая на навесной замок с наборной системой затвора. Чуть выше замка была приклеена широкая полоса бумаги, на которой крупным шрифтом выведено предупреждение о том, что объект опечатан правоохранительными органами. – Замок пришлось установить, так надежнее. Хозяйский тоже работает, только кто знает, у скольких жильцов имеется от него дубликат.

Он достал ключи, убрал бумажную ленту и поочередно открыл навесной и врезной замки. Навесной замок спрятал в карман вместе с ключами. В квартиру старший лейтенант вошел первым, Гуров проследовал за ним. Запах все еще не выветрился, потому что из квартиры убрали только тело, все остальное, включая палас, на котором несколько недель пролежал труп, осталось на месте.

Внутри квартира оказалась более обжитой, чем Лев ожидал, и уж точно приличнее, чем внешний вид барака. В кори-

доре вдоль стены располагалась открытая вешалка с тумбочкой для хранения обуви. Советского образца, но довольно свежая на вид. На вешалке висел мужской плащ темно-синего цвета, на открытой полке стояли ботинки, причем новые и, видимо, достаточно дорогие. Лев не очень хорошо разбирался в качестве обуви и в том, что модно в текущем сезоне, но что эти ботинки были куплены не на распродаже, понял даже он.

Из коридора вели три двери. Первая – в ванную комнату, вторая – на кухню и третья – собственно в комнату. Гуров прошел напрямик в комнату. Красный палас хранил следы преступления: меловой отпечаток тела, бурые пятна крови и многочисленные потеки, появившиеся в результате разложения трупа. Из обстановки имелся складной диван, старый сервант, тумбочка под телевизор, стол у окна и более современный одностворчатый узкий шкаф, притулившийся в углу.

– Вот здесь все и произошло, – проговорил Федосов. – Комнату мы осмотрели, нашли паспорт, личные записки на цветных офисных листках и кое-какие мелочи. Банковских карт при покойном не обнаружено, денег ни в карманах, ни в комнате не нашли.

– Совсем никаких денежных средств? – удивился Гуров.

– Никаких. Одна из версий – убийство с целью ограбления, – прокомментировал лейтенант.

– Ограбление без следов ограбления, – усмехнулся Лев.

– Так точно, – согласился Федосов. – Версия слабая. В комнате следов ограбления нет, предметы мебели не сдвинуты, все вещи в них лежат в строго определенном порядке. Посмотрите сами.

Гуров открыл шкаф. Там, на четырех полках, лежали одежда, книги и принадлежности для бритья. Каждая вещь строго на своем месте. Нижняя полка пустовала, и на ней скопилась пыль.

– Проверяете, не тут ли убитый хранил деньги и карты? – спросил Федосов. – Я тоже смотрел, только не было там ничего. Если он и держал в квартире деньги, то только в собственных карманах. Одежду мы проверили, ни в одном кармане денег не нашли.

– А на кухне?

– Там особо прятать негде. Один навесной шкаф, холодильник и тумбочка под раковиной.

– Ладно, разберемся, – коротко бросил Лев и приступил к осмотру комнаты.

Количество вещей, оставшихся после покойного, поражаало скудостью. Пара брюк на полке, три рубашки, старенький, но добротный свитер с высоким воротом да смена нижнего белья, отменного качества и с фирменным знаком дорогого московского магазина, вот и весь гардероб. Из личных вещей – бритвенный станок, совсем новый, в упаковке, пачка бумаги для записей, пустой блокнот и пара журналов автомобильной тематики.

В тумбочке вещей и того меньше. Ножницы, зарядное устройство для телефона, крем после бритья и дешевый лосьон. Сервант оказался практически пуст. Несколько керамических вазочек под стеклом, покрытых слоем пыли, пара рюмок из цветного стекла, и фотография годов шестидесятых в рамке.

– Странное впечатление, правда? – прервал молчание Федосов.

– Вы о чем? – повернулся к нему Гуров.

– Да я про вещи. Как будто они принадлежат двум разным людям, или же у хозяина квартиры странный бзик к определенным предметам, – пояснил Федосов. – Часть вещей точно с барахолки, а трусы – по «косарю» за пару. Лосьон копеечный, а станок бритвенный чуть ли не самый дорогой в своем сегменте. Книги допотопного издания, а журналы новые, и тоже не из дешевых.

– Возможно, квартира Кудряшову досталась с обстановкой, – предположил Лев. – Так бывает, умрет владелец квартиры, а родственникам неохота с его пожитками разбираться, вот они квартиру вместе со всем содержимым и продают. А новые хозяева оставляют все как есть.

– Это понятно, но я о другом. Почему трусы, которые никому не видны, такие дорогие, а рубашки с распродажи? Это ведь нелогично.

– Пойдем посмотрим, что на кухне, – ушел Лев от ответа. Ему и самому казалось это странным, но он считал, что ра-

но делать какие-то выводы, тем более рано делиться своими выводами с лейтенантом.

Осмотр кухни занял еще меньше времени. Заглянуть в навесной шкаф, передвинуть с места на место две тарелки, чайную чашку и банку с сахаром, пройти по полкам холодильника и осмотреть пустую тумбочку под раковиной, вот и весь осмотр. Закончив с этим, Гуров сел на табурет у кухонного стола и задумался. В чем-то лейтенант, несомненно, был прав. Квартира, хоть и имела все атрибуты для проживания, обжитой не казалась. В лучшем случае она тянула на квартиру, сдаваемую внаем, а весь набор личных вещей тянул разве что на командировочного холостяка. Эту мысль Лев высказал вслух:

– Надо проверить проездные билеты в железнодорожных кассах и кассах аэрофлота. Если Кудряшов приехал в город по делам, он мог воспользоваться либо поездом, либо самолетом. Скорее поездом, судя по состоянию одежды.

– За какой период проводим проверку? – тут же подхватил идею Федосов.

– Максимум два месяца. Хотя отсутствие зимних вещей в картину не вписывается. Если он приезжий, значит, появился здесь в начале января. Тогда где одежда? На вешалке плащ явно не зимний, и ботинки демисезонные. В январе в таких не походишь. В феврале-то не каждый решится так легко одеться.

– Ну, в этом феврале погода достаточно теплая, – напом-

нил Федосов.

– Февраль теплый, не спорю, только вот в январе Кудряшов об этом знать не мог.

– Точно, не мог. Ну, может, он просто горячий парень. Закаленный.

– Все может быть, но билеты нужно проверить. Сделаете?

– Сегодня же займусь, – пообещал лейтенант.

– А я, пожалуй, возьму помощь друга, – проговорил Гуров и достал телефон.

Он набрал номер капитана Жаворонкова из аналитического отдела, обрисовал ему ситуацию и продиктовал паспортные данные Кудряшова.

– Валера, меня интересует все, что ты сможешь выяснить по личности убитого. Его связи, родственники, место работы, наличие банковских счетов и прочее.

– Сделаю, товарищ полковник. До связи.

– Спасибо, Валера. – Гуров убрал телефон и обратился к Федосову: – Осталась ванная комната, и можно идти по соседям.

– Не думаю, что соседи чем-то смогут помочь. Народ здесь нашего брата не особо жалует, в чужие дела не лезет, и в свои не пускает, – высказал сомнение лейтенант.

– Что поделать, пообщаться с людьми все равно придется, – пожал плечами Лев. – Кто дом обслуживает, узнавали?

– На бумаге он закреплен за управляющей компанией «Фаворит», но на деле, думаю, никто домом не занимает-

ся. Двор видели какой? Мусорные баки битком, в подъезде грязь, уборщица здесь явно нечастый гость.

– Может, хоть дворника удастся отыскать?

– Дворник здешний, – заявил Федосов. – Дядя Паша из второго подъезда. Мужичок пьющий, но тихий. С работой кое-как справляется, вот его и держат. Я с ним в первый день общался.

– Что-то полезное узнали?

– Ничего. Дядя Паша убитого ни разу не видел. Ни как приходил, ни как уходил.

– Платежи за квартиру поступали?

– А вот этого никто не проверял, – растерялся лейтенант. – Как-то никому в голову не пришло. Вот ведь рюху дали...

– По какому адресу находится компания «Фаворит»?

– На улице Свободы, около Одинцовского рынка. Далековато отсюда. – Федосов полез в карман и достал записную книжку. – У меня есть номер телефона директора компании, можно позвонить и спросить.

– Займитесь этим, а я пока продолжу осмотр квартиры, – кивнул Гуров.

Санузел в квартире оказался совмещенным. Евроремонтом там и не пахло, хотя кафель присутствовал на стене над ванной и на полу. Голубые квадратные плитки, чистенькие, но допотопные. А вот унитаз совсем новый, с крышки бачка еще целлофан не снят. Здесь и правда искать было нечего и негде. Ни одного шкафа, ни одной полки. Зубная щетка и тю-

бик пасты лежали прямо на раковине, флаконы с шампунем и гелем для тела стояли на бортике ванной. Полотенце и то висело просто на гвозде, вбитом в деревянную дверь. И все та же странная картина: шампунь и гель из самых дешевых, а полотенце дорогое, с выделкой и качественной окраски. Зубная паста в средней ценовой категории, а щетка электрическая. На полу дешевый резиновый коврик, а бумага туалетная не из дешевых, да еще запас в пять рулонов.

Гуров вышел из санузла как раз в тот момент, когда Федосов закончил разговор с директором управляющей компании.

– Долгов по оплате у Кудряшова нет, – сказал он, глядя на полковника. – Но эта информация нам вряд ли поможет. Директор подтвердил, что Кудряшов владеет квартирой примерно год, показания счетчиков подает своевременно, но не лично, а через сайт. С платежами не повезло, отследить банковскую карту не удастся, так как Кудряшов внес годовую оплату авансом сразу после оформления собственности.

– Почему нет? Год – не такой долгий срок, – поинтересовался Лев.

– Тут небольшой нюанс. Платил Кудряшов наличными в кассе, – ответил Федосов. – Представляете, оплатил на год вперед. Нехилый платежник!

– Может, потому и оплатил, что с деньгами туго. Надо найти риелтора, который осуществлял сделку, и в регистрационной палате пробить информацию по этой сделке. Воз-

можно, Кудряшов прежде продал другое жилье, более дорогое, а чтобы разница по деньгам не пропала, пустил часть на оплату коммунальных платежей, — стал размышлять вслух Гуров. — Понимаете, лейтенант, того, что мы знаем про Кудряшова, катастрофически мало для того, чтобы делать какие-то предположения. Кто мог его убить, зачем, каковы мотивы? Чтобы понять, кому мешал Кудряшов, нам для начала неплохо было бы выяснить, кем он является. А у нас кроме паспортных данных нет ничего. Практически стерильная квартира, три выстрела и социофобия.

— А социофобия тут при чем? — удивился Федосов.

— Судите сами, человек год назад купил квартиру в новом доме, а его не только никто из соседей не знает, но никто даже не видел. Что это может означать?

— Да ерунда, я вот тоже с соседями не общаюсь. В лучшем случае могу поздороваться с теми, кто у подъезда тусит, а так мне соседи просто не интересны. Я вообще считаю, что лучшие отношения с соседями — это никаких отношений, — заявил Федосов. — Спроси меня сейчас, так я вам тоже ни про одного соседа ничего не расскажу.

— Позвольте вам не поверить, — улыбнулся Лев. — Возможно, вы не знаете их по именам, но лица хоть какие-то все равно примелькались. И потом, то, что вы их не знаете, это не означает, что никто из соседей не знает вас. Вы бы удивились, сколько всего о вас знают соседи, если бы сейчас вздумали пройти по квартирам и собрать о себе информацию.

– Может, вы и правы, – не стал спорить Федосов.

– Прав, конечно. Я уверен, что ваши соседи знают и имя, и фамилию, и род вашей деятельности. И то, с кем вы общаетесь, кто приходит к вам в гости, какие продукты вы предпочитаете покупать и как часто ходите в магазин. Даже в каком именно магазине вы отовариваетесь, им наверняка известно.

– Все, сдаюсь! Ситуация действительно странная, так как я лично проводил поквартирный опрос и никаких сведений об убитом собрать не сумел.

– Все квартиры обошли?

– Обошел все, попал не во все. Кого-то дома не оказалось, кто-то был не в состоянии говорить. Да у меня все квартиры отмечены.

– Хочу воспользоваться вашим списком. Пройду по тем квартирам, которые вы не сумели охватить, так будет продуктивнее.

– Пожалуйста, вот список, – сказал Федосов, протягивая полковнику блокнот с записями.

– Думаю, квартиру можно закрывать. Я пройду по соседям, а вы возвращайтесь в отдел. Дальше я справлюсь сам.

– Хорошо, так и поступим. Вы здесь, а я поеду собирать сведения по билетам. Отработаю приезжих – перезвоню.

Дождаться, пока Федосов вновь опечатает квартиру и уедет, Гуров не стал. Он поднялся на четвертый этаж и начал обход квартир согласно списку лейтенанта. Двенадцатая, крайняя в этом подъезде, значилась как неохваченная

поквартирным опросом. Гуров поискал глазами звонок, не нашел, постучал кулаком. Из-за двери послышался неясный звук, затем шаркающие шаги, добрались до двери и стихли. Лев выждал пару секунд и снова постучал. В ответ тишина. Пришлось стучать в третий раз.

– Чего надо? – раздался из-за двери грубый мужской голос.

– Полиция.

– Чего надо, спрашиваю? – повторил грубый голос.

– Опрашиваем соседей в связи с убийством жильца из третьей квартиры.

– Меня это не касается!

– Я вас надолго не задержу. – Поняв, что грозить повесткой бесполезно, Гуров решил договориться миром. – Два, от силы, три вопроса. Следствию очень нужна ваша помощь. Проявите гражданскую сознательность.

– А ваша сознательность где была, когда третьего дня мне была нужна помощь? Вам бы все только под себя грести. Когда участковый нужен, его не дозовешься, а как вам помощь понадобилась, так двери распахни.

– Я не участковый, я оперуполномоченный по особо важным делам. Полковник Гуров. Удостоверение при мне, можете ознакомиться.

– Ох, хитрец! Чтобы ознакомиться, нужно дверь открыть, а вам только этого и надо. Тут же руки в гору, наручники на запястья, и все дела.

– Я не собираюсь надевать на вас наручники, – терпеливо объяснил Лев. – Все, что мне нужно, – это просто поговорить. Вы можете выйти на площадку, если не хотите пускать меня в квартиру.

– Не выйду! Много вас таких тут ходит, если каждому дверь открывать, жизни лишишься. Вон с первого этажа один уже открыл.

– Гражданин, я же вам объясняю, ведется следствие, ваши показания могут оказаться очень важны для расследования. Вам же спокойнее будет, если мы сумеем поймать преступника, – продолжал уговаривать Лев. – В данный момент вам ничего не угрожает. Подумайте сами, стал бы преступник стоять у вас под дверью и просить открыть ему?

– Гражданин? Значит, гражданин? – слышался из-за двери смех. – Вот ведь умора!

Гуров не нашелся что ответить. Он не понимал, чем так развеселил жильца квартиры номер двенадцать, и предпочел промолчать. Спустя пару минут смех за дверью утих, и слышался звук отпираемых замков. Когда дверь открылась, Гуров понял, что вызвало смех собеседника. На пороге стояла женщина средних лет с пышным бюстом и крутыми бедрами. Длинные русые волосы собраны в прическу, губы накрашены алой помадой, брови густо подведены. Короткая юбка и прозрачная блузка дополняли картину.

– Привет, полковник! Значит, хочешь снять показания с гражданина? – В глазах женщины плясали смешинки.

Лев видел перед собой женщину, и все равно не мог соотнести голос, который слышал, с фигурой, которую видел.

– Чего застыл? Не нравится сочетание? – продолжала смеяться женщина. – Да ладно, не парься, думаешь, ты первый так лоханулся? Да это, можно сказать, мое любимое развлечение – вас, мужиков, разыгрывать. Ну, ты заходишь или так и будешь стоять столбом? Или уже не хочешь про «жмурика» с первого этажа поговорить?

– Простите, виноват, – выдавил из себя Лев. – Впредь буду внимательнее.

– Говорю же, не парься. Прикол у меня такой, – отмахнулась от извинений женщина. – Заходи, гостем будешь. Здесь меня все Зойкой зовут, можешь и ты так называть.

Она провела Гурова в кухню, усадила на колченогий табурет, включила чайник. Себе налила красной жидкости из трехлитровой банки, сделала глоток, привычным движением выбила папиросу из пачки и прикурила.

– Вот так и живем, – кивнув головой на стакан и пачку папирос, проговорила она. – Думаешь, от хорошей жизни все это? Хрен там плавал. В нашем чумном бараке только такие, как я, и задерживаются.

– Давно вы здесь живете?

– Сколько себя помню. Только не спрашивай, сколько это на пересчет в годах, – снова хохотнула Зойка, – все равно не скажу.

– Значит, жильцов дома хорошо знаете? – Было ясно, что

женщина напрашивается на комплимент относительно возраста и внешности, но Лев предпочел намек проигнорировать.

– Мужиков – всех до одного, профессия у меня такая, – без стеснения заявила Зойка. – А баб у нас здесь не так много. Кривая Фрося в девятой квартире, Николаиха из второго подъезда, да пара «синюх» из восемнадцатой. Те ни с кем не корефанятся, живут особняком, пьют на свои и с соседями не делятся.

– Покойный тоже входил в число ваших э... поклонников? – задал вопрос Гуров.

– Вот что я тебе скажу, дружок. – Зойка фамильярным жестом похлопала полковника по колену. – Здешние мужики все через меня прошли. И «жмурик» прошел бы, проживи он здесь хоть какое-то время. Рано или поздно они все ко мне приходят.

– И что это значит?

– А значит это то, что твой «жмурик» вообще непонятно откуда взялся. Я вообще думаю, что его сюда ужедохлым притащили. Чтобы труп спрятать.

– Это исключено. Убили вашего соседа в квартире, по документам квартира принадлежит ему. Выходит, этот мужчина в вашем обществе не нуждался.

– Да брось! Ты на меня посмотри, – возразила Зойка. – Фигура – закачаешься, на морду тоже не крокодил, поговорить всегда рада. Ну, и в остальном не обижу. Какого хрена

вам еще надо? Нет, дружок, не жил твой «жмурик» в этом доме. И в обратном ты меня не убедишь.

– Хотите сказать, что ни разу не видели жильца из третьей квартиры?

– Его никто не видел, разве что Димарик, но он вам вряд ли что расскажет.

– Почему?

– Да потому что он вообще не просыхает. Поймать Димарика в адеквате можно раза два в месяц, и то если повезет, – объяснила Зойка. – Ему пошло с доставкой на дом приходит. Он племяшу хату у Останкинской телебашни отписал, тот его сюда сбагрил и сивухой снабжает, чтобы Димарик вдруг не проспался и не передумал. Племяш все ждет, что тот от пошла загнется, а Димарику все нипочем. Уж три года так живет.

– Почему вы думаете, что Димарик может знать жильца с первого этажа? – уточнил Гуров.

– А он с прежним хозяином дружил. Ну, может, не дружил, но общался точно. Тот ему ключи оставлял, чтобы за хатой присматривал. Потом, когда продавать собрался, тоже Димарика просил хату желающим показывать. Уж не знаю, показывал тот или нет, но раз квартира продана, значит, помог все-таки другу.

– Так вы не знали, что хозяин квартиры сменился?

– И никто не знал.

– Уверены в этом?

– Наши из барака больше ни с кем в районе не общаются. Не желают новоселы с нами знаться. – В голосе Зойки проскользнули злые нотки. – Мы для них отребье, досадное недоразумение. Они все рады были бы, если бы барак снесли, да только нас здесь столько понатыкано, что ни один застройщик расселять желания не проявляет, а властям на нас и подавно наплевать. Заткнули между высотками, теперь уж и не снесут. Для новой высотки места мало, а крохотные домишки строить невыгодно. Так что будь спокоен, в том, что никто про нового жильца не знал, я тебе гарантию даю.

– В какой квартире живет Димарик? – спросил Лев.

– В седьмой. Это на третьем этаже, – ответила Зойка. – Только не надейтесь, что вам с Димариком повезет. Чтобы его допросить, нужно сперва из запоя вывести, а для этого сейчас согласие нужно получить. «Принудиловку» давно отменили.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Гуров. – Если вдруг услышите что-то новое про жильца из третьей квартиры, не считите за труд, позвоните мне.

– Да откуда же я позвоню, дружок? У меня и телефона-то нет.

– Как бы там ни было, номер я вам оставляю. Вдруг пригодится, – настоял Гуров.

Он достал блокнот, написал номер своего мобильного и положил на стол. Провожать его Зойка не пошла, осталась на кухне, а Лев, выйдя из ее квартиры, продолжил обход.

Из всех квартир, которые не смог обойти Федосов, ему повезло еще в одной. Там проживала Кривая Фрося, о которой говорила Зойка. В отличие от большинства жильцов барака у Фроси была работа. Три раза в неделю она обходила частные магазинчики, где совершала нехитрые манипуляции с пустой тарой: разбирала завалы из картонных коробок, складывала их стопками, обвязывала скотчем и разносила по ближайшим мусоркам. За это продавцы, которым не хотелось собственноручно заниматься грязной работой, платили Кривой Фросе по двадцать рублей с носа. За месяц сумма выходила смешная, но Фрося была довольна. На калымные деньги она покупала разливной спирт, которого хватало как раз до следующего калыма.

О том, что в третьей квартире появился новый жилец, Фрося не знала, в этом Зойка не ошиблась. Когда Гуров предъявил ей фото Кудряшова, распечатанное с его паспорта, она вспомнила, что пару раз видела его у дверей Димарика. От квартиры Димарика у Кудряшова имелся свой ключ. Фрося потому его и запомнила, что застала Кудряшова на лестничной площадке в тот момент, когда он открывал дверь соседа. В соседские дела Фрося не лезла, так что с вопросами к нему приставать не стала.

Больше ничего полезного Кривая Фрося сообщить не смогла. Гуров продолжил обход, но пользы от него не получил. Тогда он решил вернуться в отдел и ждать новостей от Жаворонкова.

Глава 4

К концу третьего дня с момента приезда Гурова в Одинцовский район расследование окончательно зашло в тупик. Все возможные направления следственно-розыскных мероприятий он, с помощью местных оперативников, отработал, а ни одного мало-мальски реалистичного мотива для убийства Кудряшова выявить так и не удалось. Да что там мотив! Установка личности самого Кудряшова за пределы данных найденного паспорта так и не прошла.

Предположение о том, что квартиру на улице Северной Кудряшов использовал как остановочный пункт в качестве командировочного, проверки не выдержало. В управляющей компании «Фаворит» договор купли-продажи квартиры был зарегистрирован чуть меньше года назад, сведения о прошлом владельце сохранились, и Гуров связался с ним и договорился о встрече.

Продавец, такой же пропитой мужичок, что и большинство жильцов барака, из Одинцова переехал в глухую деревню за двести километров от Москвы. Про покупателя принадлежащих ему квадратных метров он ничего вразумительного рассказать не смог. Выставил объявление на бесплатном ресурсе, желающих приобрести его «однушку» оказалось немного, и когда позвонил Кудряшов, мужичок быстро согласился на сделку, сбавив цену чуть ли не вдвое. Доку-

ментами занимался сам покупатель, оформил все через многофункциональный центр, так что продавцу оставалось только получить деньги и расписаться где положено. На этом и разошлись.

Поиски родственников результата не дали. В паспортном столе браков на имя Кудряшова зарегистрировано не было, объявления в средствах массовой информации по поводу поиска близких и друзей погибшего также не привели к положительному результату. Капитан Жаворонков промониторил все социальные сети, мессенджеры и прочие электронные ресурсы, но напасть на след Кудряшова не смог. Даже в системах сотовой связи у Кудряшова не оказалось зарегистрированного номера мобильного телефона.

Единственным продуктивным звеном оказалась информация о месте работы Кудряшова. Эти сведения удалось добыть после того, как Гуров отправил запрос в ведущие банки столицы с постановлением о разрешении получения сведений о вкладчике без предоставления информации о вкладах и счетах. Кудряшов Евгений Григорьевич определенной даты рождения оказался держателем зарплатной карты в ведущем банке Москвы. Организация, оформившая данную карту, занималась подбором разового персонала на вакантные рабочие места, не требующие профессиональной подготовки. То есть Кудряшов работал по найму в сотне московских организаций, куда пошлют, там и пашет.

К работодателям Гуров съездил, но сведений о Кудряшо-

ве не получил и там. Принцип работы компании по подбору персонала – дистанционный. Соискатель высылает резюме, компания отправляет ему договор найма, и вот он уже сотрудник фирмы. Дальше еще проще. На определенном ресурсе каждое утро выкладываются вакансии, соискатель жмет на кнопку, ставит галочку напротив приглянувшейся вакансии и спустя час выезжает на работу.

Конечно, так работают не по всем вакансиям, а по самым низкооплачиваемым, но, судя по статистике фирмы, именно по таким Кудряшов и специализировался: расчистка территории от строительного и сезонного мусора, разгрузка-погрузка на железнодорожной платформе, демонтаж ветхих конструкций, и все в этом духе. В офисе Кудряшов появлялся лишь однажды, когда подписывал оригинал договора и заявление о переводе заработной платы на карту. Естественно, никто из сотрудников отдела кадров его не запомнил.

Получив эти сведения, Гуров не отчаялся. Он выписал адреса всех мест, где успел поработать Кудряшов, благо таковых оказалось не так уж много, и занялся их обходом. Увы, здесь его тоже ожидала неудача. Куда бы он ни приехал, вспомнить, кто такой Кудряшов, и то не каждый работодатель смог, а уж рассказать о нем что-то более-менее личное, и подавно. Пришлось затею оставить.

Тогда Лев решил обойти все магазины, расположенные возле дома Кудряшова, в надежде, что тот свел знакомство с

кем-то из продавцов или грузчиков. Он ходил из магазина в магазин, предъявлял фото Кудряшова, давал словесное описание, но неизменно получал один и тот же ответ: в их магазине данный покупатель если и появлялся, то только от случая к случаю, постоянным клиентом его не признал ни один продавец. В нескольких магазинах Лев даже записи с камер видеонаблюдения скопировал и переслал в Управление техникам, чтобы получить стопроцентно точный ответ – нет ли среди покупателей убитого Кудряшова. Технический отдел работу провел и резюмировал: на записях Кудряшова нет.

В документах по купле-продаже предыдущим адресом регистрации Кудряшова значилось селение Хабаз в Кабардино-Балкарии. Поселок в полторы тысячи душ, в семидесяти пяти километрах от Нальчика. Гуров обратился к коллегам из Нальчика с просьбой помочь найти хоть кого-то, кто знаком с убитым. Через сутки пришел ответ, что в селении Хабаз Кудряшов имел регистрацию, но сам там не проживал. В доме, где он был зарегистрирован, других жильцов нет, дом принадлежит давно умершему жителю, и в права наследства после его смерти никто не вступал.

К девяти часам вечера третьего дня Гуров окончательно выдохся. Он сидел в выделенном ему кабинете Одинцовского отдела полиции и в очередной раз перебирал все пункты расследования. Картина складывалась вполне определенная: труп есть, а личности, как таковой, нет. Ни друзей, ни родных, никаких социальных связей. Почему? Потому что при

жизни он сам отгородился от людей, выбрал себе такой вид заработка, при котором даже коллег не заведешь? Своего рода маргинал, предпочитающий жить в одиночку. Но тогда кому понадобилось его убивать? Наследников на квартиру нет, сбережений нет, собутыльников, которые в пьяном угаре могли бы совершить расправу, и то нет.

И все же кто-то его убил. Не прирезал кухонным ножом, не кирпичом голову пробил, не задушил шнурком от ботинка, а застрелил из пистолета, причем не забыв произвести контрольный выстрел, чтобы наверняка. По всем признакам – работа наемного убийцы, только вот вопрос: кому понадобилось нанимать киллера для расправы с нищим разнорабочим? Или это имитация? Такую версию выдвинул лейтенант Федосов еще тогда, когда провалилась версия с командировками. Пожалуй, Лев мог бы согласиться с мнением Федосова. Много в общей картине преступления вызывало ощущение грандиозного спектакля, только вот в чем его сущность, уловить пока невозможно. Он склонялся к мнению, что убитый Кудряшов при жизни задумал какую-то аферу, и все: документы, квартира в бараке, потрепанная одежда и низкооплачиваемая работа, не что иное, как способ маскировки. Эта мысль сверлила мозг не находя выхода. Что скрывал покойник? От кого скрывался? Кто он на самом деле, этот Кудряшов, и где искать концы?

Телефон Гурова зазвонил как раз в тот момент, когда он решил, что пора собираться домой.

– Привет, отшельник! – раздался в трубке бодрый голос полковника Крячко. – Как тебе служится на чужой земле? По родной Петровке не скучаешь?

– Заскучаешь тут, – вздохнув, ответил Лев. – У меня здесь человек-призрак, и его убили. С такой вводной не до скуки.

– Что так? Личность не можешь установить? – спросил Крячко. Они с другом не созванивались с того момента, как генерал выслал Гурова в Одинцово, так что детали порученного ему дела Крячко были неизвестны.

– Если бы так. У меня паспорт на руках, идентификация пройдена, место работы убитого найдено, а что он за человек, с кем общался, кого любил, кого ненавидел – никаких данных.

– Хорошее дело. Может, плохо искал?

– Искал так, как золотодобытчики золото не ищут, – ответил Лев и вкратце рассказал о том, какие меры предпринял для поиска данных о покойном.

– Ну, тогда так генералу и скажи: все возможности исчерпал, – посоветовал Стас. – Он побузит да отпустит тебя с миром. В конце концов, не велика «шишка» твой разнорабочий.

– Он-то не «шишка», а вот представители мэрии и прессы – те «шишки» еще какие. Они мне прохода не дают, трижды в день перед ними отчитываюсь. Впору хоть личного секретаря по связям с общественностью заводить.

– Ничего, ты доложи, а генерал что-нибудь придумает. Он

у нас мужик головастый, поймет, что «глушняк», и найдет другой выход, вместо того чтобы лучшего опера на бытовухе держать.

– Вся проблема в том, что я уже совсем не уверен, что убийство Кудряшова – обычная бытовуха, – заявил вдруг Гуров. – Сдается мне, дело это и правда не такое простое, как может показаться с первого взгляда.

– Началось! – протянул Крячко. – Вот что ты за человек, Лева? Куда ни сунешься, все у тебя сложно и необычно.

– Так я разве виноват? Ты сам посуди, кто станет нанимать профессионала для того, чтобы убрать пешку?

– А ты уверен, что здесь работал профессионал?

– Не уверен, но возможность такую не исключаю.

– Что нужно сделать, чтобы ее исключить?

– Думаю, помогла бы беседа с Димариком. Это свидетель из дома убитого, только он в неадеквате.

– В каком смысле? Умалишенный, что ли?

– Нет, просто запойный. Не просыхает неделями. Сейчас как раз такой запой. Я три дня подряд к нему по два раза на день приезжаю. Он дверь открыть не в состоянии. Голос подает, вроде как жив, а до двери доползти не может.

– Так чего же ты ждешь? – удивился Крячко. – Бери штатного медика, вези к своему Димарику, ломай дверь и начинай реанимацию.

– Сам знаешь, что это незаконно. Вломиться в его квартиру и начать оказывать медицинскую помощь медики могут

только с заявления родственников.

– Или соседей. Найди сговорчивого соседа, пусть позвонит, подаст сигнал, что сосед в квартире вроде как о помощи просил, мол, помогите, умираю. Этого будет достаточно.

– Может, действительно придется, вряд ли он скоро сам проспится. Девушка с верхнего этажа сказала, что родственник, снабжающий его алкоголем, приезжал как раз перед моим появлением. Значит, пошла Димарику дней на десять хватит. Три дня он уже пьет, осталось семь.

– Да за семь дней бездействия тебя пресса во главе с мэром живьем съедят! – воскликнул Стас. – А что ты будешь делать, если он от своего пошла крикнет раньше, чем выйдет из запоя?

В трубке повисла пауза, Гуров оценивал риски. Крячко это понял и решил поднажать:

– Слушай, хочешь, я сейчас приеду? Возьму кого-то из ребят-медиков и к тебе. До утра мы твоего Димарика реанимируем, возьмем показания, а потом пусть пьет себе, пока не упьется.

– Я подумаю над твоим предложением, – ответил Лев. Ввязываться в очередную авантюру, которыми регулярно фонтанировал напарник, ему не хотелось, несмотря на то что он и сам считал, что принудительная реанимация, возможно, единственный выход.

– Да что тут думать, – разошелся Крячко, – соглашайся, пока не поздно!

– Подожду до утра. Если ничего не изменится, тогда буду действовать по твоему плану.

Закончив разговор и положив трубку, Лев крепко задумался. Стас прав: Димарик – единственный шанс понять, кто такой этот Кудряшов. Если дать ему упиться до смерти, можно дело Кудряшова отправлять в архив. И все же вламываться в квартиру, производить принудительное лечение – это как-то чересчур. И тут ему по-настоящему улыбнулась удача. Телефон снова зазвонил, он взглянул на дисплей – номер оказался незнакомым, нажал кнопку приема вызова и услышал мужской хриплый бас:

– Привет, полковник! Успел соскучиться?

– Добрый вечер, Зоя. – Фамильярность жилицы дома тридцать семь Гурова не удивила. – Что-то важное вспомнили?

– Круче. Подарок у меня для тебя, закачаешься. – Голос Зойки звучал возбужденно. – Ты таких подарков и в Новый год не получал. Не терпится узнать?

– Признаюсь, заинтриговали, – подыграл ей Лев. – Надеюсь, угадывать не заставите?

– Нет, не заставлю. – Зойка рассмеялась довольным смехом. – Так скажу, самой не терпится. Димарик проспался! Сейчас его у дома видела, к мусорным бакам с пакетами шел. Видать, поило раньше времени закончилось, или переклинило, у него так бывает. Ну, как новость, полковник? Стоящая?

– Зоя, вы даже представить себе не можете, насколько сто-

ящая, – искренне проговорил Гуров.

– Могу, полковник, могу. Я ради этой новости у соседа с нижнего этажа телефон сперла. Теперь ору будет! Да пофиг, оно того стоило. Езжай к нам, полковник, лови момент!

Зойка, не прощаясь, оборвала разговор. Гуров на ходу сунул телефон в карман и помчался к выходу. Возвращение Димарика к жизни и правда большая удача. Даже если он ничем не поможет, все равно появится определенность и в ожидании больше томиться не придется.

На Северную Лев примчался минут за десять. Разумеется, во дворе Димарика уже не было, зато Зойка высывалась из окна, карауля полковника. Не успел Гуров припарковать машину, как она принялась кричать на весь двор:

– Привет, полковник! Долго булки мял, Димарик в магаз поперся. Иди вылавливай, а то он и по дороге наклюкаться может.

– В какую сторону идти? – быстро отреагировал Лев.

– К желтой новостройке. Видишь, там еще вывеска красными буквами? – Зойка старалась вовсю. – В этом доме с левой стороны. Гони, полковник, а то все мои труды прахом пойдут!

– Как он хоть выглядит? – Гуров вдруг понял, что понятия не имеет, за кем собрался бежать.

– Как, как? Как Димарик! – рассердилась Зойка. – Беги, говорю, как увидишь, так сразу поймешь.

Гуров на самом деле побежал, так убедительно звуча-

ли слова Зойки. Пробежав через узкий проход между новостройками, он на бегу обогнул невысокое ограждение из окрашенных яркими красками труб, свернул с асфальтированной дорожки на тротуарную плитку и оказался перед дверью магазинчика. Яркая вывеска гласила: «Все для дома. Напитки на розлив». Спустившись на три ступени вниз, Лев оказался в полуподвальном помещении, с трех сторон заставленном стеллажами, заполненными преимущественно алкоголем. Чуть поодаль от входа располагалась барная стойка. За стойкой колдовала симпатичная девчушка, на вид лет шестнадцати. Русые косички торчали в две стороны, яркий румянец на гладкой коже щек, губки четко очерченные, не тронутые помадой, и все же яркого, насыщенного цвета.

Возраст выдавала кожа на шее, чуть обвисшая, покрытая пигментными пятнами. Одного взгляда на шею было достаточно, чтобы понять, что шестнадцатилетней продавщице далеко за пятьдесят. Контраст не сильно бросался в глаза, так как возрастная дама старательно прятала шею под высоким воротом водолазки.

Перед продавщицей сидел мужик неопределенного возраста. С одинаковым успехом ему могло быть и двадцать пять, и пятьдесят два. Линялый свитер с некогда сине-красной полосой, джинсы впритирку, домашние тапки на босу ногу и встрепанная шевелюра. Он нервно потирал руки, разглядывая стоящий на стойке пустой стакан, теребил кончик носа и что-то бубнил себе под нос. Продавщица не обраща-

ла на него внимания. Она усердно терла засаленной тряпкой банки с консервированной рыбой.

– Лидок, плесни еще глоточек, – вдруг жалобно заныл мужик.

– Не клянчи, – беззлобно отмахнулась продавщица. – Ты мне еще за прошлый раз две сотки должен остался.

– Да отдам я, Лидок, – продолжал ныть мужчина. – Ты ж меня знаешь.

– Знаю, потому и не даю, – заявила продавщица.

– Да это было-то один раз. До самой смерти мне вспоминать будешь?

– А ты бы предпочел, чтобы я забыла? Может, сразу поллитру? Ты не стесняйся, проси, у нас ведь здесь благотворительное общество защиты забулдыг.

– Поллитру не надо, глоточек всего. От тебя ж не убудет.

– Отвали, Димарик! Сказала, не дам больше, значит, не дам. – Несмотря на резкий тон, было видно, что Лидок совершенно не сердится.

Гуров услышал достаточно, подтверждение своим догадкам, что мужик у стойки и есть Димарик, он получил и теперь мог начинать действовать. Он подошел к стойке, остановился по правую руку Димарика и начал внимательно изучать этикетки бутылок, выставленных на витрине. Димарик недовольно поморщился и чуть сдвинулся в сторону.

– Помешал? – бросил на него вопросительный взгляд Лев.

– Нет, просто не люблю, когда из-за спины выглядывают, –

заявил Димарик. На самом деле его недовольство заключалось в том, что при посторонних сложнее было уговорить продавщицу наполнить стакан даром.

– Могу зайти с другой стороны, – предложил Гуров. – Так-то я ненадолго. Ищу кое-кого. Мне сказали, что найду здесь, вот и пришел.

– И кого же? – насторожился Димарик.

– Вас, Дмитрий. Вы ведь Дмитрий, верно?

– Допустим, – осторожно произнес Димарик. – Что дальше?

– Разговор есть. Вы в тридцать седьмом доме живете?

– Почему спрашиваете? – осторожничал Димарик.

– Чтобы не ошибиться. Мне нужен Дмитрий из тридцать седьмого дома, проживающий в седьмой квартире.

– А для чего он вам?

– Сказал же – есть разговор.

– На поллитру?

– На поллитру. – В подтверждение своих слов Гуров дал знак продавщице, и та живенько выставила перед полковником початую бутылку дешевого вина, из которой чуть раньше наливала выпивку Димарику.

– С этого и надо было начинать. – Глаза у Димарика разгорелись. – Я и есть Димарик из седьмой квартиры. Будем знакомы?

– Будем, – ответил Лев и плеснул в стакан Димарика янтарной жидкости примерно на треть.

Димарик подхватил стакан, поднес к губам и, не спеша, смакуя, выпил. Поставив стакан на стойку, отер губы и весело произнес:

– Вот теперь можно и поговорить.

– Меня интересует ваш сосед с первого этажа, – начал Гуров.

– Это Суслик, что ли? Паршивый человек, лучше с ним дел не иметь, – не дослушав, заявил Димарик. – Жадный до жути, и врать шибко любит.

– Нет, мне нужен Кудряшов Евгений.

– Кудряшов? А это кто? – На лице Димарика читалось искреннее удивление.

– Это ваш новый сосед, переехал примерно год назад.

– Вы про новосела? Так он мне не друг. Вот Заботин, тот да, с тем мы корефанились шикарно. Съехал он, новоселу хату продал и съехал. Продешевил, да кто за наши халупы серьезные «бабосы» отвалит?

– Имени новосела вы не знаете? – в свою очередь удивился Гуров.

– Может, он и говорил, да я не запоминал. Сразу ж видно было, что он мне не товарищ. Холеный весь, руки кремом небось мажет. И брезгливый. Хрен его знает, зачем он у Заботина хату купил. Ему бы на Рублевке жить, а не в нашей халупе.

– Вы говорите про жильца из третьей квартиры? – на всякий случай уточнил Гуров.

– Про него, про кого же еще, – подтвердил Димарик. – Вообще-то он мне поначалу совсем не приглянулся. Когда приезжал квартиру посмотреть, все нос от меня воротил, будто я дерьмом пахну.

Запах от Димарика исходил удушающий, но сам он, видно, давно к нему привык и считал, что пахнет розами. Гуров не стал переубеждать его в обратном. Его больше интересовал жилец из третьей квартиры.

– Говорите, квартиру ему показывали? Давно?

– Да с год назад и показывал. Заботин попросил, если придут хату посмотреть, чтобы я их проводил. И ключи оставил. Ну, этот приехал, я ему все показал. Он сказал, что подойдет. А потом Заботин приехал и сообщил, что хату продал.

– И больше вы с новоселом не встречались?

– Бывало. Раза три он ко мне заходил, – подумав, ответил Димарик. – Он ведь кроме меня в доме никого не знал, вот и приходилось ко мне бегать.

– По каким вопросам?

– Один раз у него кран потек, он за телефоном слесаря приходил. Чудной! Какой в нашем бараке слесарь? Кто как может, сам все чинит.

Димарик начал бросать все более красноречивые взгляды на бутылку, речь же напротив становилась все более растянутой. Гуров понял, что тот ждет добавки спиртного, и наполнил стакан до половины. Процедура повторилась. Димарик посмаковал напиток, отер рот и продолжил:

– Тогда я ему кран починил. Я ведь раньше сам в сантехниках ходил. Новосел меня за это отблагодарил соточкой. Приятно, конечно, но если сравнивать, сколько «бабосов» у него в кармане лежало, мог бы раскошелиться и пощедрее.

– Много денег? – переспросил Гуров.

– Много деньжищ, – поправил Димарик. – Он в своих тыщах с трудом для меня соточку нашел. Поэтому и говорю, что пожмотничал. А потом он тараканов решил вывести. Пришел просить, чтобы я соседей подбил санэпидстанцию вызывать. Я пообещал сделать.

– Сделали?

– Не получилось. Приболел я тогда, не мог по соседям ходить, а когда выздоровел, новосела след простыл. Раз двадцать к нему заходил, а мне так никто и не открыл.

– И чем дело кончилось?

– Да ничем. Месяца через три он снова появился, – продолжал вспоминать Димарик. – Я с порога ему предъяву, мол, зря только соседей «булгачил». А он – этот вопрос меня больше не интересует.

– Тогда зачем он пришел?

– Хороший вопрос. Вот я ему его и задал.

Димарик снова покосился на бутылку, но Гуров решил, что торопиться не стоит. Ему нужен был трезвый свидетель, а если уж не трезвый, то хотя бы в адеквате.

– И какой ответ получили? – будто не замечая взглядов Димарика, спросил он.

– Ему зачем-то понадобились имена соседей с первого этажа. Я решил, что он их выселить хочет, чтобы одному весь этаж занимать.

– С чего вдруг такое предположение?

– А он все расспрашивал, не было ли разговоров про то, что они недовольны жильем, и где у тех родня.

– Он получил то, что хотел?

– Конечно. Я ведь не тайну какую-то раскрывал. Имена их на листе бумаги нацарапал.

– На какой бумаге?

– Он с собой принес. Листочки такие квадратные, разноцветные все. Ну, я на каждом листке имя-фамилию написал, номер квартиры и есть ли родня, – признался Димарик. – Получил за это «пятихатку». Нехилый навар?

– И снова сосед расплачивался с вами из увесистой пачки денег?

– Да она еще больше стала! Там и баксы, и какие-то еще иностранные деньги. – Димарик мечтательно прикрыл глаза. – Эх, надо было его кокнуть, а деньги забрать.

Гурова заявление Димарика никак не задело, а вот продащица глаза вытаращила – то ли от удивления, то ли от страха за Димарика. Гуров предполагал, что она догадалась, каким родом деятельности он зарабатывает себе на жизнь, и теперь переживала, что не предупредила Димарика, чтобы тот держал язык за зубами.

– Как думаете, откуда у него столько денег? – как ни в чем

не бывало, продолжил беседу Гуров.

– Да хрен его знает, я об этом не задумывался, – честно признался Димарик. – Может, жулик какой? Мошенник и аферист, а квартира ему нужна для того, чтобы было легче людей обманывать. Я смотрел передачу, так там как раз про таких, как новосел, рассказывали. Живут, мол, как нищие, в затрапезных квартирах, а сами на крутых тачках разъезжают.

– Он что, ездил на крутой тачке?

– Сам видел, – заявил Димарик. – Я ведь в машинах немного шарю, работал когда-то на шиномонтажке. Там каких только машин не рассмотрел. Новосел раза два на черном джипе прикатывал. Оставлял его у новостройки, а до барака пешкодралом топал.

– Вы в этом уверены? – Гуров понял, что купил вино не напрасно. Вот он – шанс, и использовать его нужно на всю катушку. – Вы действительно видели, как новосел выходил из джипа или садился в него? Может, вызывал такси?

– Да нет же! Говорю, у новосела есть свой джип. Черный, с люком на крыше, и номером блатным, – заверил Димарик. – Приезжал он по ночам, но из моего окна весь двор у новостроек виден.

– Вы и номер запомнили? – Лев весь напрягся. Он чувствовал, что скоро должно произойти событие, которое сдвинет расследование с мертвой точки.

– Да что там запоминать? Он сам в память впечатался, – проговорил Димарик, – круче, чем на фотопленке. Буквы

«ОАО», а цифры два-ноль-два. Красиво смотрится.

– И как вам удалось разглядеть номер, если ваш сосед ночью приезжал, да и машину вы видели из окна?

– Так я нарочно смотреть ходил. Первый раз увидел, как новосел посреди ночи свой джип возле высотки паркует, но спрашивать у него не стал. Дождался, когда он приедет в следующий раз, вышел из дома, обошел с дальней стороны и номер срисовал.

– Зачем? Разве вам от этого какая-то выгода?

– Выгоды нет, а страховочка есть. Мало ли когда пригодится. – Димарик заерзал на стуле, ему давно хотелось опрокинуть еще один стаканчик.

– Номер мне запишете? – попросил Гуров и, положив на стол бумагу для записок, потянулся уже за ручкой, но Димарик вдруг заявил:

– Ручка у меня есть. Подарок новосела.

Он достал из кармана авторучку и быстро нацарапал номер джипа. Гурова вещьца заинтересовала. Сама ручка – обычная дешевка рекламная, такие изготавливают для организаций, выдают на конференциях или как памятные сувениры об особо значимых событиях. Белый пластиковый корпус, а на нем логотип компании.

– Можно взглянуть? – попросил он.

Димарик кивнул на стакан. На этот раз Гуров наполнил его без задержки. Обменяв ручку на стакан, Димарик принялся цедить вино. Лев же в это время рассматривал ло-

готип. На пластике черной краской было выведено графическое изображение человеческой кисти. В нее крупным шрифтом вписаны слова «Рука помощи». И три больших круга под надписью.

– Интересный рисунок. Что он означает? – спросил Гуров.

– Без понятия. Я не интересовался, – ответил Димарик.

– И сосед не объяснял? Все-таки подарок, логичнее было бы пояснить, – заметил Лев.

– Какой там подарок! Он ее впопыхах забыл, – объяснил Димарик. – А я не стал напоминать, вещь не лишняя, а с такого жмота хоть какой навар, и то хорошо.

– Можете отдать ее мне?

– Меняем на остатки, – протянул руку к бутылке Димарик.

– Меняем, – кивнул Лев.

– Вот мне сегодня фартит, – обрадовался Димарик и, запоздало спохватившись, спросил: – А почему вы все про новосела расспрашиваете?

– Убили вашего новосела, – ответил Гуров. – А я это преступление расследую.

От такого заявления Димарик чуть бутылку из рук не выпустил. Он вытаращил глаза и, запинаясь, переспросил:

– Убили? Новосела убили? Мать честная! Вот это поворот! Выходит, нет больше новосела? А я тут про него гадости говорю. Про покойника! Попадос!

– Думаю, он на вас не в обиде, – не удержался от ухмылки Лев. – К тому же вы единственный, кто вообще знал о его

существовании.

– Давно убили? Прямо в доме? И остальные знают? – сыпал вопросами Димарик, новость его явно ошарашила. – Вы, значит, из полиции? А меня вы, значит, допрашивали?

– Убили давно, узнали меньше недели назад, я из полиции, но это не допрос, а опрос. Большая разница. Скорее всего, ваши показания еще понадобятся, так что не советую уходить в глубокий запой, чтобы не пришлось вас принудительно от пьянки лечить.

– Да понял я, понял, – отмахнулся Димарик. – Нет, ну надо же! И как это я все пропустил?

– Если вспомните что-то еще, позвоните мне, – попросил Гуров. Ручкой Кудряшова он начеркал номер на листке бумаги, сунул его в руку Димарику и, коротко кивнув, ушел.

Оказавшись вновь во дворе дома тридцать семь, Гуров поднял голову, поискал глазами Зойку. Та сидела на подоконнике, обмотавшись пледом, и курила.

– Привет, полковник! Ну, как все прошло? – распахнув окно, закричала она.

– Как нельзя лучше, – крикнул в ответ Гуров. – Спасибо за помощь, Зоя.

– И что? Ты мне ничего не расскажешь? Хочу знать, что у вас там произошло и до чего вы договорились, – потребовала Зойка.

– Увы, поделиться с вами информацией я не могу. Про-

фессиональная этика, помноженная на тайну следствия, – вынужден был ответить отказом Лев.

– Да какое мне дело до вашей этики? Мне сплетни нужны! – Голос Зойки сорвался, она закашлялась и тут же прикурила новую сигарету.

– Насчет сплетен – это к журналистам. Они наверняка захотят теперь с вами познакомиться. Пока будете рассказывать им свои новости, получите возможность выжать из них свежие сплетни.

– Я сейчас хочу знать! – настаивала Зойка. – Это же я тебе наводку на Димарика дала.

– За это спасибо, а насчет всего остального придется потерпеть. Дадим шанс журналистам удивить вас, – увещевал Гуров.

– Ну, хоть что-то Расскажи, – сменив тон, начала Зойка уговаривать полковника. – Скажи хоть, знал «жмурика» Димарик?

– Знал. И общался, но очень недолго.

– Тогда адьес, амиго! Я и без тебя сейчас все у Димарика выпрошу. – повеселела Зойка.

– Вот видите, как все просто, – улыбнулся Лев. – До свидания, Зоя. Еще раз спасибо за помощь.

– Приезжай завтра, сравним показания, – хохотнула Зойка, и было непонятно, шутит она или говорит серьезно.

Разбираться с этим Лев не стал, ему не терпелось вернуться в Управление и начать поиски джипа. Номерной знак да-

вал ему практически все: фамилию и имя владельца, его адрес, возраст, материальное положение. А там и круг общения, и родственники, если таковые все же имеются. И много-много чего еще.

«А Кудряшов-то не так прост, как хотелось думать, – размышлял он по дороге. Вот они и объяснились, нестыковки. Или почти объяснились. Осталось совсем немного, и все окончательно прояснится. Конечно, есть вероятность, что номер автомобиля зарегистрирован на другое лицо, но вряд ли. Я почти уверен, что владельцем джипа окажется Евгений Кудряшов. Почему моим помощникам не удалось отыскать Кудряшова по базе ГИБДД? Может, пропустили, а может, этому есть другое объяснение».

Еще один вопрос, который Гурову предстояло решить как можно скорее, – это логотип на ручке. Что он означает? «Ручка помощи»... Кому и какую помощь они оказывают? Так называется какая-то организация или же словосочетание не что иное, как лозунг какой-то конференции? Или это рекламная компания для предвыборной гонки местных правителей?

Предположений масса, но на них обвинения не построишь. Нужны не предположения, а конкретные ответы. Гуров решил, что поручит Жаворонкову проработку этого вопроса. Здесь тоже оставалась вероятность, что к самому Кудряшову логотип отношения не имеет. Эту ручку ему могли подарить, он мог на автомате забрать ее из какого-то учрежде-

ния или же купить по дешевке на блошином рынке. И все же Лев был почти уверен, что, разгадав загадку логотипа, он сможет справиться и с остальными вопросами.

Глава 5

В кабинет к генералу Орлову Гуров попал ближе к пяти часам вечера. Генерал позвонил около трех и велел дать полный отчет по делу Кудряшова. К тому времени Гурову уже было чем поделиться с начальством, но обстоятельства задержали его еще на час. Теперь же он сидел напротив Орлова и методично выкладывал сведения, которые ему удалось собрать.

Номерной знак джипа Лев пробил еще ночью – дожидаться утра просто не хватило терпения, – и тому, что удалось выяснить, он ничуть не удивился. Напротив, все наконец начало становиться на свои места. По документам джип принадлежал гражданину Трифонову Леониду Александровичу, тридцати шести лет.

Возраст – практически единственное, в чем личности Кудряшова и Трифонова совпадали. В остальном же они оказались полными антиподами. Если Кудряшов являлся собственником захудалой «однушки» в барачном здании, расположенной у черта на куличках, то гражданин Трифонов имел не только дорогостоящий автомобиль и водительское удостоверение, но и являлся владельцем элитного жилья на Кутузовском проспекте, с охраняемой территорией, личным гаражным боксом и консьержем, оберегающим покой жильцов.

Кудряшов, худо-бедно, трудился в вышеозначенной фирме по предоставлению разового персонала. Трифонов же, по предварительным данным, не работал нигде. Об этом свидетельствовали данные, собранные уже утром капитаном Жаворонковым. За Трифоновым не числились ни организации с ограниченной ответственностью, ни другие виды организаций частного характера. Не являлся он и индивидуальным предпринимателем, владельцем ресторанов и кафе, держателем акций ведущих столичных производств и прочих предприятий, приносящих ощутимый доход.

Искать Трифопова в числе простых рабочих московских фирм смысла Гуров не видел. С такими деньгами на консервный завод наладчиком пойдет разве что человек «альтернативно одаренный», как в современном обществе стало принято называть слабоумных людей.

Получив адрес регистрации Трифопова, Лев уже в восемь утра начал осмотр принадлежащей ему квартиры. Здесь все буквально кричало о высоких доходах хозяина. Сама квартира, по рыночным оценкам, тянула не на один десяток миллионов. Дорогой качественный ремонт в исполнении квалифицированных отделочников. Дизайн-проект разработан по индивидуальному заказу. Мебель тоже не фабричного производства, текстиль и даже осветительные приборы, и штучный товар.

Там же в квартире он нашел документы на имя Трифопова, его банковские карты и немалую сумму наличных

средств. Фотография в паспорте — точная копия той, что вклеена в паспорт Кудряшова. Чтобы это понять, даже к экспертам обращаться не надо. Этот документ давал подтверждение тому, что Кудряшов и Трифонов являются одним и тем же лицом.

Документов, которые пролили бы свет на то, откуда Трифонов получает денежные вливания, отыскать не удалось, как не удалось найти хоть что-то, что указывало бы на наличие у него семьи, дальних и близких родственников.

В ходе опроса соседей выяснилось, что Трифонов вел довольно замкнутый образ жизни. Тусовок в квартире не устраивал, с соседями общался постольку-поскольку, сам к ним в гости не ходил и к себе не приглашал. Пожалуй, в этом Трифонов и Кудряшов тоже сходились.

Консьерж, который по долгу службы обязан знать о жильцах несколько больше, чем соседи, про Трифопова рассказать смог не так уж много. Проживал он в квартире на Кутузовском лет семь. Ни жены не имел, ни детей. Консьерж так и не вспомнил, бывали ли за эти семь лет у Трифопова гости, и о его трудовой занятости ничего конкретного сказать не смог. Из дома Трифонов уезжал без всякой системы: иногда ранним утром, иногда в полдень, а порой и ближе к вечеру. Время от времени пропадал на несколько дней, но ни разу не просил присмотреть за квартирой каким-то особым образом.

В плане обращения консьерж описывал Трифопова как

человека вежливого, но не более того, чем требовалось от состоятельного владельца элитного жилья. Всегда вежлив, корректен, личных вопросов не задавал и о себе не распространялся.

Содержимое квартиры дало результатов больше, чем опрос всех соседей. И снова Гуров столкнулся с логотипом «Рука помощи». Ему даже в реестры организаций не пришлось заглядывать, чтобы узнать, чем же является эта самая «Рука». Оказалось, что логотип и название принадлежат некоему московскому благотворительному фонду, осуществляющему благотворительную деятельность более десяти лет. Объем документации, найденной в квартире, навел Льва на мысль, что Трифонов не последний человек в данном фонде. Да, оригиналов в квартире не было, только копии, но зачем кому-то могло понадобиться собирать копии документов организации, к которой ты не имеешь непосредственного отношения?

Все бумаги шли за подписью директора благотворительного фонда Тимура Мерцхулавы. Подписей самого Трифонова Гуров не нашел. Он, правда, ознакомился только с документацией на бумажном носителе и был уверен, что проверка компьютера Трифонова даст дополнительные сведения, но пока достаточно и того, что он уже имел.

Как раз в тот момент, когда позвонил генерал, Лев выяснял юридический адрес фонда, где и как можно найти директора Мерцхулаву и из какого источника можно получить

достоверную информацию по деятельности благотворительного фонда. Орлов настаивал на встрече, поэтому вопрос с посещением фонда пришлось отложить.

Выслушав доклад Гурова, Орлов некоторое время барабанил пальцами по столу, затем откинулся на спинку кресла и заговорил:

– Когда утром ты позвонил и заявил, что убитый в Одиноцове Кудряшов может оказаться человеком с двумя лицами, я, признаться честно, не поверил. Но то, о чем ты докладываешь, доказывает не только то, что один и тот же человек имел два паспорта, а не простую смену одной личности другой, что происходит не так уж редко, по сути, Кудряшов-Трифонов вел двойную жизнь, по крайней мере какое-то время. Целый год он жил и как Кудряшов, и как Трифонов. Да, невеселая перспектива.

– В каком смысле? – не понял Гуров.

– Уведомить высокое начальство о новых фактах, обнаруженных в ходе следствия, – пояснил генерал. – Да доложить об этом наверх еще полбеды, а вот уведомить прессу – проблема из проблем. Как ониотреагируют на это «шикарное» известие, предсказать совершенно невозможно. Какую бучу поднимут, где станут искать виновных и чьи головы полетят после их вмешательства?

– По-моему, это не наша головная боль, – заметил Лев. – Наше дело расследовать преступления, искать преступников и собирать улики.

– Все так, Лева, только ты не хуже меня знаешь, как некоторые журналисты умеют, воспользовавшись ситуацией, раздуть скандал там, где его и в помине нет.

– Так что – молчать? Сделать вид, что Трифонова не существовало? Сдать дело Кудряшова в архив за неимением подозреваемых и мотивов убийства?

– Нет, конечно. Работу продолжай, только постарайся не контактировать с прессой, а с начальством я сам разберусь.

– Разрешите идти? – Гуров поднялся.

– Иди, Лева, – кивнул Орлов. – Держи меня в курсе.

Выйдя от генерала, Гуров сразу набрал номер телефона Благотворительного фонда «Рука помощи». На звонок ответил приятный женский голос. Девушка представилась секретарем фонда и осведомилась о цели звонка. Лев не стал представляться сотрудником полиции, решив, что первую встречу лучше провести в неофициальном русле. Назвав причиной обсуждение вопроса сотрудничества и расширения деятельности фонда, он легко получил «добро» на встречу с директором. Секретарша подержала его на линии приличествующее ситуации время, сообщив, что должна обговорить вопрос с господином Мерцхулавой, после чего от его имени назначила дату и время встречи. Господин Мерцхулава согласился принять Гурова на следующий день в девять утра в своем кабинете.

До утра у Льва оставалось достаточно времени, чтобы навести справки о деятельности благотворительного фонда

«Рука помощи», чем он и занялся, вернувшись домой. По данным официальных источников, фонд Тимура Мерцхулавы имел обширный круг интересов в благотворительной сфере. Определенной направленности фонд не имел, помогал всем, кто изъявлял желание обратиться к ним за помощью.

В число мероприятий, проводимых фондом, входили и социальные проекты по сбору денежных средств для детей-инвалидов, и реабилитационные мероприятия в отношении жертв природных катаклизмов, и помощь беженцам, и реабилитация ветеранов военных действий. Не отказывал фонд в помощи и пенсионерам, и людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Все направления объединяло одно: фонд вел адресную помощь конкретным лицам, не занимаясь вопросами организаций, обществ, профсоюзных объединений и любых других сообществ и компаний.

На первый взгляд работа в фонде была ключом. За год, если верить данным прессы, он успешно обрабатывал до тысячи обращений. Получалось, что ежедневно благодаря деятельности фонда несчастных людей в мире становилось как минимум на три человека меньше. Хорошие результаты? Более чем.

Официальными источниками Гуров не ограничился. После «сахарной» статистики он перешел к изучению отзывов и обсуждений в социальных сетях. Там статистики не было, отзывы и обсуждения изобиловали возмущенными высказы-

ваниями в адрес фонда и его директора. Если свести прочитанное к общему знаменателю, суть возмущений сводилась к одному: пообещали, но ничего не сделали. Достоверными, а тем более годными для предъявления в суде, эти данные назвать было нельзя. Интернет-отзывы, как правило, писали недовольные. Те, кого в работе той или иной организации все устраивало, предпочитали выразить благодарность лично, а не через соцсети. И все же количество возмущений наводило на размышления.

Некоторые истории выделялись на общем фоне, вызывали живой отклик и сочувствие. Гуров специально выписал порядка десяти подобных историй, чтобы было на что опираться в разговоре с Мерцхулавой. Например, история десятилетнего мальчика, мать которого три года назад обратилась за помощью в фонд «Рука помощи».

Мальчик, Дима, жил в подмосковном районном центре, имел редкое заболевание крови, лечение от которого не придумали ни в одной стране мира. Единственное, что можно было сделать для Димы, – это поддерживающая терапия, мероприятие дорогостоящее и не терпящее отлагательства. Терапия проводилась четыре раза в год, часть средств на лечение выделяла районная администрация, остальную часть оплачивала сама мать.

И вот в день, который впоследствии мать назовет роковым, она прочитала рекламный баннер о «Руке помощи». До этого женщина не раз обращалась в подобные организации

и даже получала от них разовую помощь. Вот почему она не стала пренебрегать возможностью и попросила помощи у фонда Мерцхулавы. В фонде ее встретили так, будто только и ждали, когда же она придет именно к ним. Помощник директора сразу взял женщину в оборот.

Он уговорил мать собрать фотографии мальчика, поставившись отобразить на снимках, насколько тяжело тому приходится. Затем попросил, чтобы мальчик написал рассказ о своей жизни: короткой, но полной боли и эмоциональных терзаний. Третьим пунктом были собраны все выписки из больниц, в которых Дима проходил лечение. И наконец, история самой матери, записанная на видео. Мать в слезах повествует всему миру, как ей приходится бороться за жизнь сына. За каждый день его жизни.

О том, что рассказ женщины идет под запись, та узнала спустя месяц, так писала в отзывах сама женщина. Ролик увидела случайно, «добрые» люди подсказали, где посмотреть. Разрешение на публикацию ролика у нее никто не брал, тем более никто не спрашивал одобрения всех остальных действий. Руководитель, курирующий проект по сбору денежных средств для ее сына, от имени матери обратился в администрацию района и отказался от их помощи.

Об этом женщина узнала, когда спустя месяц в обычном порядке подала заявление с просьбой проспонсировать лечение Димы. Тогда-то чиновник, чье ведомство заведовало средствами на лечение, и просветил мать Димы. Денег не бу-

дет, сказал он, сами отказались. Средства переданы другим нуждающимся.

Женщина помчалась в фонд «Рука помощи». Там ей прочитали целую лекцию о вере и доверии, пообещали в ближайшее время проплатить очередной курс лечения и отправили восвояси. Время шло, терапия откладывалась, а денег все не было. Кое-как мать наскребла средства на один курс и снова помчалась в фонд. Но там про нее и не вспомнили. Руководитель проекта перешел в другой филиал, «забыв» передать ее дело кому бы то ни было. Женщину заверили, что «оплошность» исправят, и через три месяца деньги будут переведены на специальный счет Димы.

Но и спустя три месяца никаких денег женщина не увидела. В администрации же очередь, из которой Диму удалили благодаря «помощи» фонда, к следующему курсу так до них и не дошла. Женщина пыталась собрать деньги своими силами, но не набрала и на треть курса. Мальчику становилось все хуже, а мать оказалась бессильна что-либо сделать. В итоге с фондом «Рука помощи» женщина рассталась, нашла новых благотворителей, и только поэтому мальчик остался жив. Никакого наказания директор фонда не понес, и даже более того – спустя год сотрудники фонда все еще продолжали собирать средства, спекулируя видеозаписью речи матери мальчика, его фотоснимками и рассказом.

Были и другие истории. Ветеран афганской войны, лишенный зрения, которому требовалась срочная операция на

сердце. Пенсионер, лишившийся единственного жилья в результате сложной комбинации обмена, который на протяжении трех лет совершали его родственники. Многодетная мать, потерявшая единственного кормильца и вынужденная влачить нищенское существование на социальные пособия. Все они обращались в фонд, теряли даже те крохи, что получали от местных властей, и в итоге так и не получали помощи от фонда. В каждой из этих историй конец был один: даже после отказа от услуг фонда те продолжали собирать деньги, открывая счета на их имя.

С Тимуром Мерцхулавой Лев встретился точно в назначенный час. Миловидная секретарша провела полковника в кабинет, где за массивным столом восседал коренастый мужчина с располагающей внешностью.

– Доброе утро, господин Гуров. Проходите, почувствуйте себя как дома. – Мерцхулава широким жестом указал на удобные мягкие кресла возле окна. – Леночка принесет вам чай. Располагайтесь, я присоединюсь к вам буквально через несколько минут. Неотложные дела, уж простите.

Лев занял свободное кресло, секретарша Леночка принесла крепкий чай в простеньком стакане. Мерцхулава усердно щелкал по клавишам, в то же самое время плечом прижимая к уху трубку:

– Да, Максим Анатольевич, я вас прекрасно понимаю. Конечно, ждать пришлось долго, но, согласитесь, оно того сто-

ило. Ваше состояние теперь гораздо лучше, с этим не поспоришь... – Какое-то время Мерцхулава молчал, а из трубки отдаленно доносился чей-то мужской голос. Разобрать слова было невозможно, но по лицу Мерцхулавы можно было предположить, что собеседник расточает похвалы в его адрес. Ответные реплики говорили о том же: – Ну, что вы, Максим Анатольевич, в этом и состоит наша деятельность. Вы обращаетесь с просьбой – мы ее выполняем. Конечно, приятно слышать слова благодарности. Да, я обязательно передам. И вам не болеть. Очередной транш через месяц, не забудьте зайти в отделение банка. Всего доброго.

Директор положил трубку и скосил виноватый взгляд на Гурова. Тот невозмутимо пил чай, никак не реагируя на услышанное.

– Простите, не удалось завершить разговор до вашего прихода, – смущенным тоном проговорил Мерцхулава. – Людям важно выразить признательность лично, минуя посредников. Приходится общаться с таким количеством людей, что порой к вечеру ухо просто деревянное. Но это приятные заботы. Вы со мной согласны?

– Вполне, – согласился Гуров, снова не вдаваясь в подробности.

– Мне сказали, у вас вопрос относительно расширения сфер деятельности фонда...

– Да. Именно так, – подтвердил Лев.

– Не могли бы вы более подробно рассказать, о чем идет

речь?

– Если быть честным, я планировал изложить концепцию сотрудничества и обсудить возможные варианты совместной работы с Леонидом Александровичем, – заявил Гуров, глядя прямо в глаза Мерцхулавы.

Реакция Мерцхулавы оказалась весьма странной. Он не растерялся, не выдержал паузы, не сделал удивленное лицо, не стал переспрашивать и уточнять, о ком идет речь. Он просто никак не отреагировал на Гурова. Совсем никак.

– В нашей организации все вопросы относительно сотрудничества решаются непосредственно с директором, другими словами, со мной, – спокойно произнес он.

– Разве? У меня другая информация. Когда мы с Леонидом Александровичем обговаривали предварительный план работы, меня ориентировали на сотрудничество с ним.

– Что ж, это ваше право, – заявил Мерцхулава. – Жаль, что мой секретарь неверно истолковал ваши пожелания. Не смею вас задерживать, и удачи в другом месте.

– Вы мне отказываете? – Лев сделал вид, что слова директора его озадачили. – Только из-за того, что я желаю обсудить вопрос не с вами, а с Леонидом Александровичем? Станный подход.

– То же самое сейчас ощущаю я, – произнес Мерцхулава. – В том, что я не оспариваю ваше решение, нет ничего удивительного. Такова жизнь. Каждый сам волен выбирать себе партнера по бизнесу. Вы приходите в мой кабинет и со-

общаете, что желаете вести дела с другой организацией. Вот это действительно странно.

– Почему с другой организацией? Как раз с вашей, но обсудить наше сотрудничество хочу с человеком, который мне уже знаком. И в этом как раз нет ничего странного, – гнул свое Гуров. Он уже понял, что по каким-то причинам Мерцхулава решил делать вид, что не понимает, о ком идет речь.

– Простите, вынужден повторить: в благотворительном фонде «Рука помощи» все вопросы о сотрудничестве решаю я, – настаивал Мерцхулава.

– Тогда какие вопросы решает Леонид Александрович?

– Начнем с того, что я понятия не имею, о ком идет речь. В штате фонда нет ни одного человека с такими инициалами.

– Вы, наверное, шутите? – недоверчиво переспросил Гуров.

– И не думал шутить, – ответил Мерцхулава.

– Да как же? Трифонов Леонид Александрович, учредитель фонда, так он мне представился.

– Возможно, он возглавляет какой-то другой благотворительный фонд, – предположил Мерцхулава, но Гуров успел заметить, как напряглись у того скулы, когда он услышал о том, как представлялся покойный.

«Знает или нет? Известно ли Мерцхулаве, что Трифонов убит?» – подумал про себя Лев, а вслух продолжал выдавать историю, придуманную на ходу:

– Послушайте, я ведь не мальчик-стажер. У меня опреде-

ленный опыт работы с людьми. Я в состоянии запомнить имя человека и название организации, в которой он трудится. В конце концов, это положено мне по должности. Не так давно мы встречались с господином Трифоновым, обсуждали возможности слияния наших фондов, а теперь вы говорите мне, что такого человека в штате фонда «Рука помощи» не существует?

– Я с уважением отношусь к вашему возрасту, верю, что ваши профессиональные качества соответствуют высшей оценке, и все же повторяю в третий раз: никакого Трифонова в нашем фонде нет и никогда не было. – Мерцхулава старался сохранять спокойствие, но сейчас это давалось ему с трудом.

– Да, не думал, что наша встреча так обернется, – покачал Лев головой. – Я шел с определенными планами и надеждами, думал найти здесь серьезных людей, занятых социально значимым делом, а что я вижу на деле?

– Что же вы видите на деле? – Мерцхулава все же не сдержал эмоций. Он откинулся на спинку кресла, сложил руки крест-накрест на груди и с вызовом смотрел на визитера.

– То, о чем кричат все социальные сети, форумы и ресурсы с отзывами о вашей деятельности, – так же с вызовом бросил Гуров.

– И о чем же они кричат?

– О том, что вы наживаетесь на горе людей, спекулируете их историями, фотоснимками и видеообращениями, со-

бирая миллионы и оставляя нуждающихся без помощи и средств.

– Вот как? И у вас есть доказательства?

– Зачем мне доказательства? Я ведь не прокурор и не судья. Вот матери мальчика Димы, которого ваша «благотворительность» чуть не свела в могилу, доказательства нужны. И инвалиду Родионову адвокат не помешает, как не помешает он гражданке Зотовой, гражданину Красноухову и многим другим клиентам вашего фонда, – перечислил Гуров фамилии тех, о ком читал в социальных сетях.

– Кто вы? – вдруг спросил Мерцхулава. – Ясно же, что не тот, за кого пытались себя выдать. Вы не бизнесмен, не проसитель, так кто вы? И зачем пришли сюда? Вы журналист?

– Я уже назвал причину своего визита, и фамилию человека, с которым надеялся здесь встретиться, тоже назвал, – ответил Лев. – Вопрос в том, почему вы лжете? Почему скрываете свое знакомство с Трифоновым?

Мерцхулава снова сник. Вопросы о Трифонове его явно беспокоили.

– Все, встреча окончена, – заявил он после едва заметной паузы. – Обсуждать больше нечего. Никаких вопросов и никаких ответов. Есть претензии по работе фонда? Обращайтесь в компетентные органы, они разберутся. А сейчас прошу вас покинуть кабинет. Мне надо работать.

Упорствовать Гуров не стал. Для первого визита он узнал все, что хотел, поэтому молча поднялся и вышел из кабинета.

та Мерцхулавы. Оказавшись на улице, он прошел по аллею метров сто, свернул к скамейке и, усевшись, стал наблюдать за входом в здание Благотворительного фонда.

Он надеялся, что его визит заставит Мерцхулаву нервничать, а в таком состоянии люди часто совершают ошибки. Преступники часто совершают ошибки. Вопрос в том, преступник ли Мерцхулава? Однозначного ответа у него пока не было. Да, Мерцхулава, скорее всего, мошенник. Аферист, наживающийся на горе себе подобных. Но ведь Кудряшов умер не от этого. Его застрелили, хладнокровно и безжалостно. Способен ли Мерцхулава на подобные поступки? Неясно. Почему он не признался в том, что знаком с Трифоновым? Знает ли о двойной жизни, которую тот вел? Знает ли о том, что Трифонова больше нет? Первое, что приходило на ум: Мерцхулава убил Трифонова и потому всеми силами открещается от знакомства с ним. Но если Трифонов и правда участвовал в деятельности фонда, разве сможет Мерцхулава это скрыть? Вряд ли.

Вот он, Гуров, на ходу придумал причину, по которой мог встречаться с Трифоновым. И ведь не на пустом месте пришла ему в голову эта идея. Она проистекала из логики вещей. Если Трифонов связан с фондом, значит, он должен был осуществлять в фонде какую-то деятельность. Какую? Судя по количеству банковских счетов, стоимости квартиры и класса автомобиля, можно было смело предположить, что он относился к высшему эшелону власти. А это значит, что

крупные жертвователи и благотворители его знать должны. В этом случае ложью Мерцхулава только подставит себя, а это глупо.

Допустим, Трифонов все же не занимался делами фонда, и Мерцхулава говорит правду, тогда зачем ему понадобилось добывать столько документов по работе фонда? Был еще один вариант – Трифонов мог заниматься шантажом. Почему нет? Дело прибыльное, работа не пыльная, а что касается риска для жизни, ну и что? Строитель на стройке и то рискует, только доход от его деятельности на порядок ниже.

Итак, если взять за рабочую версию расклад «Трифонов – шантажист», какая получается картина? Довольно стройная. Трифонов на постоянной основе зарабатывает себе на жизнь шантажом лиц, которые сами нечисты на руку. Сам живет на широкую ногу, а «на дело» выходит в обличье работяги Кудряшова? Или использует этот образ только для тех дел, в которых необходимо так выглядеть? Возможно такое? Вполне. Теперь осталось вписать в эту версию фонд Мерцхулавы. Сделать это очень просто: Трифонов выбрал фонд «Рука помощи» как объект для шантажа. Он собрал необходимое количество документов, подтверждающих нечистую работу фонда, и отправился к Мерцхулаве. Напрашивается новый вопрос: в каком обличье он предстал перед директором фонда? В обличье богатея Трифонова или нищего Кудряшова?

Гуров был уверен, что фамилия Трифонов Мерцхулаве знакома. Сейчас он сожалел о том, что не упомянул фами-

лию Кудряшова, тогда бы знал реакцию и на эту фамилию убитого. «Вернуться и спросить? – мелькнула мысль. – Нет, сейчас уже поздно. Следующий шаг должен совершить Мерцхулава. Причем при любом раскладе. Причастен он к смерти Трифонова или нет, ход за ним».

Дверь фонда оставалась закрытой, никто не входил и не выходил из нее после того, как Гуров покинул здание, поэтому он продолжал ждать. Ждать и размышлять. Итак, Трифонов или Кудряшов пришел к Мерцхулаве с доказательствами его мошеннической деятельности и потребовал определенную сумму за молчание? Как отреагировал на это Мерцхулава? Вряд ли визит Трифонова его обрадовал. Лев только заикнулся о нечистоплотности в работе фонда, а Мерцхулава вон как вспылил. Какова же была его реакция на документы, подтверждающие факты незаконного обогащения? Наверняка очень бурной. Согласился ли Мерцхулава платить шантажисту? Скорее всего, да, иначе бизнес Мерцхулавы «прославился» бы на всю страну. Чем можно нанести ущерб организации, которая ничего не производит, ничего не продает и вообще не имеет ни складов, ни торговых павильонов? Только раскрытием информации в сети Интернета. Самый действенный способ отомстить несговорчивому клиенту. В настоящее время шантажисты так и поступают. Не прокатил вариант, не испугался объект шантажа – долго его не обхаживают, бросают и ищут новый объект, а предыдущему шантажист просто мстит, выдавая общественности его секреты.

Гуров же, кроме гневных речей самих клиентов, другой информации относительно непорядочности и откровенном вранье сотрудников фонда не встретил. Никаких подтверждающих документов. Выходит, шантажисту Мерцхулава все же заплатил, или же они договорились каким-то иным способом. Мог ли шантажист, получив свое, не сдержать слова и выложить информацию в Сеть? Это возможно. Мог ли Мерцхулава, заплатив шантажисту, начать собирать о нем сведения, чтобы отомстить? И это было возможно.

Следующий виток: шантажист получает деньги, а Мерцхулава начинает сбор информации. Что дальше? Мерцхулава выясняет, что шантажист живет под фамилией Кудряшов, что личность эта совершенно незначительная, и вряд ли ради него московская полиция будет сильно стараться, чтобы напасть на след убийцы. Тогда он приходит к Кудряшову домой и всаживает в тело три пули. Труп остается в квартире, а Мерцхулава продолжает заниматься своей деятельностью в надежде, что сработал чисто, и никому в голову не придет искать убийцу в фонде. Возможно, он забрал из квартиры Кудряшова материалы по фонду.

Но эта версия душу Гурова не грела. Ну, не мог он представить Мерцхулаву с пистолетом в руке в квартире Кудряшова.

Чем дольше он думал, тем дальше заводили его мысли. Одна версия сменяла другую, но ни одной из них не остался доволен. Лев просидел напротив дверей фонда больше часа,

но Мерцхулава так и не вышел. И в фонд также никто не зашел. Тогда он оставил пост и поехал в Управление.

Глава 6

Пять часов полковник Гуров потратил на поиски информации по Мерцхулаве. Он выяснил, что тот приехал в Москву в год, когда был зарегистрирован фонд «Рука помощи». Собственно, директором фонда Тимур Мерцхулава выступал с самого первого дня. Каким образом парню, не имеющему российского гражданства, удалось получить разрешение на подобную деятельность? Об этом в документах не говорилось. Так или иначе, директорствовать он начал спустя четыре месяца после приезда в столицу, об этом свидетельствовала миграционная карта, оформленная сразу по приезду. Через полтора года Мерцхулава обзавелся квартирой, а еще через год переехал в собственный дом. Хороший старт, как сказали бы многие. Слишком подозрительное везение, так посчитал Гуров. В определенные моменты работа фонда вызывала подозрения у надзорных органов, но всякий раз Мерцхулава каким-то чудом выходил сухим из воды. Скорее всего, дело было в хороших «откатах», но доказательств у Льва, разумеется, не было.

В отличие от Трифонова-Кудряшова Тимур Мерцхулава вел активную светскую жизнь. Участвовал в городских ту-совках, «светился» на телевидении и всячески старался продвинуть свою персону, надеясь пролезть в столичную элиту. Людей, знакомых с ним, оказалось столько, что только на пе-

речисление фамилий у Гурова ушел бы день. А вот в связях с криминальными структурами города Мерцхулава замечен не был. Сам не привлекался и в кругу друзей «сидельцев» не имел.

К концу пятого часа Лев начал снова впадать в отчаяние. Что за дело такое, за какой конец ни потянешь, все впускую? По всему выходило, что Мерцхулава ни сам не мог убить Кудряшова, ни киллера нанять, чтобы тот сделал за него грязную работу. Нет, конечно, чтобы выйти на наемного убийцу, не обязательно самому иметь связи с криминалом, но слишком уж чисто тот сработал, чтобы предположить, что Мерцхулава нашел его по Интернету. Да и сам Мерцхулава не тянул ни на хладнокровного убийцу, ни на легковверного простачка, способного доверять серьезное дело первому встречному.

К четырем часам вечера пришел отчет по проверке документов с компьютера Трифонова. Результаты Гурова взбодрили. Все-таки первоначальная версия о причастности Трифонова к работе фонда подтвердилась. В скрытых файлах специалисты нашли информацию, которая содержала в себе бухгалтерские отчеты фонда за пять лет, причем даты с момента создания документа не изменялись. Получалось, либо Трифонов собирал компромат на фонд в течение пяти лет, либо контролировал бухгалтерию фонда весь этот период. Лев склонялся ко второму варианту.

Почти одновременно с отчетом от компьютерщиков при-

шла информация о работе самого фонда. Гуров дал задание Жаворонкову собрать все случаи, когда директора фонда собирались привлечь к ответу за превышение полномочий, и тот выполнил просьбу на «пятерку». В папке, которую переслал Жаворонков, таких дел насчитывалось порядка тридцати. С этим уже можно было идти к Мерцхулаве.

На этот раз звонить и предупреждать о своем приезде Лев не стал. К зданию фонда он подъехал незадолго до шести. Поднялся на второй этаж, вошел в знакомую уже приемную. Секретарша Леночка удивленно взглянула на него и потянулась к селектору, но Лев остановил девушку, сунув под нос удостоверение. Глаза секретарши округлились еще больше, но руку от селектора она убрала. Гуров же беспрепятственно прошел в кабинет.

Тимур Мерцхулава сидел в кресле в вальяжной позе и курил дорогую сигару. Услышав шаги, он, не открывая глаз, произнес:

– Ленок, сегодня не получится. У меня выдался нелегкий денек.

– Думаю, она не станет расстраиваться, – негромко проговорил Лев.

Мерцхулава подскочил в кресле, сигара выпала из рук и откатилась к стене, но он даже попытки не сделал, чтобы поднять и затушить ее.

– Что? Какого черта? Кто вас впустил? – сначала растерянно, затем гневно воскликнул он.

– Меня не надо впускать, с этим я могу справиться и сам, – ответил Лев, на этот раз предъявляя удостоверение и Мерцхулаве.

– Ах, вот оно что! А я-то голову ломаю, что бы значил ваш визит, – протянул тот, и в его голосе улавливались заискивающие нотки. – Почему же вы сразу не представились? Неужели так необходим был этот утренний спектакль?

– Работа такая, – спокойно ответил Гуров. – Сейчас ситуация изменилась – изменились и методы.

– Пришли меня арестовать? – неудачно пошутил Мерцхулава.

– А есть за что? – в тон ему спросил Лев.

– Простите. Шутка не удалась. – Мерцхулава встал, поднял упавшую сигару и затушил ее о край пепельницы. Затем взглянул на Гурова и спросил: – Чем могу быть полезен на этот раз? Снова будете спрашивать о Леониде, как там его...

– Трифонов. Леонид Александрович Трифонов, – подсказал Лев.

– Благодарю за подсказку, но я бы и сам вспомнил фамилию, память у меня на имена-фамилии неплохая. Я и даты легко запоминаю, но не всегда. С фамилиями проще, когда человека в лицо знаешь. Отвлеченно сложно запомнить, а вот если портрет перед глазами возникает, то и с фамилиями проблем нет.

– Хотите тратить время на светскую беседу? Не вопрос. – Гурову с трудом удалось вклиниться в словесный поток. –

Предлагаю проехать в участок и обсудить уникальные возможности вашей памяти там.

– Зачем же сразу в участок, – слегка побледнел Мерцхулава. – Здесь нам тоже никто не мешает.

– Вот и отлично. Итак, как я понял, Трифонова Леонида Александровича вы вспоминать отказываетесь.

– Сложно вспомнить того, кого не знаешь.

– Я тут навел справки, – начал выдавать информацию Гуров. – По документам выходит, что вы занимаете должность директора фонда чуть ли не со дня его основания. Это так?

– Это тоже имеет отношение к вашему Леониду? – вопросом на вопрос ответил Мерцхулава.

– Возможно. Но сейчас меня интересует другое: каким образом вам удалось возглавить фонд без гражданства?

– Повезло, – сказал Мерцхулава, но голос при этом дрогнул. Отвечать на неудобные вопросы он явно не привык.

– Допустим. Тогда объясните, почему гражданин Трифонов, не являясь ни учредителем, ни директором, ни даже рядовым сотрудником фонда, имел доступ к бухгалтерским отчетам организации?

Этот вопрос оказался для Мерцхулавы неподъемным. Добрых пять минут он таращился на Гурова и не находил достойного ответа. Помогать ему Лев не стал, предпочел дожидаться, пока директор сам созреет. Ждал напрасно, так как ответа у Мерцхулавы так и не нашлось. Он озадаченно покачал головой и заявил:

– Даже не знаю, что сказать.

– Странный ответ для руководителя. Получается, вы совсем не владеете ситуацией. Что ж, давайте разбираться вместе. Несколько дней назад в районе Одинцова найден труп мужчины. По документам он проходит как Кудряшов Евгений Григорьевич. Это имя вам тоже незнакомо?

– Увы, нет.

– Я так и думал, – произнес Гуров и продолжил: – В ходе следственно-розыскных мероприятий было установлено, что гражданин Кудряшов имел два документа, подтверждающих личность. По второму документу его имя Трифонов Леонид Александрович.

Лев посмотрел на Мерцхулаву, ожидая, какова будет реакция на его заявление. И снова Мерцхулава растерялся. Пару раз он открыл и закрыл рот, собираясь что-то сказать. Затем, не придумав ничего более оригинального, схватился за сердце и сдавленным голосом произнес:

– Простите, что-то мне нехорошо. Не могли бы вы позвать Леночку?

– Она исцелит вас от недуга? – не сдержавшись, съязвил Лев.

– Воды. Она принесет мне воды.

– С этим справлюсь и я. – Гуров встал, налил воды из кулера и протянул стакан директору.

Мерцхулава нетвердой рукой обхватил стакан, сделал пару глотков и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Ка-

кое-то время он прерывисто дышал, затем дыхание начало приходить в норму, он открыл глаза и снова извинился:

– Прошу прощения, сердечко пошаливает. Так на чем мы остановились?

– На том, что ваш Трифонов по совместительству является еще и Кудряшовым.

– Он не мой. Трифонов не мой. Как и второй господин. Кудряшов, так?

– Так, – кивнул Лев. – Странно, что вы не знаете убитого ни как Трифопова, ни как Кудряшова. Вот они оба имели весьма обширные познания о работе вашего фонда.

– Вы в этом уверены? Есть доказательства? – Мерцхулава изо всех сил старался показать, что слова полковника его не задевают.

– И уверен, и доказательства есть. В лице Трифопова, покойный, как я уже упоминал, держал дома архив фонда плюс бухгалтерские документы за пятилетний период, а в лице Кудряшова даже раздавал соседям памятные сувениры с логотипом вашей организации, – чуть приукрасил действительность Гуров.

– Не помню, чтобы кто-то из Одинцова обращался за помощью в фонд. По крайней мере, не в ближайшее время. Так что реклама этого Кудряшова прошла впустую, а жаль, – неловко пошутил Мерцхулава.

– Возможно, кто-то и обращался, – внезапно для самого себя высказал предположение Гуров. – Просмотрите записи,

освежите память. Может, что-то и всплывет.

– Не думаю, как я уже упоминал, память у меня отменная, – как-то слишком поспешно проговорил Мерцхулава. – И вообще, разве это может как-то отразиться на мне и деятельности моего фонда?

– Это зависит от степени вашей откровенности. До настоящего момента вы не особо активно сотрудничали с полицией. Быть может, пришло время начать?

– Вряд ли смогу хоть чем-то вам помочь. Ни Кудряшов, ни Трифонов мне незнакомы. Каким образом Трифонов сумел завладеть документами фонда, я, разумеется, буду выяснять, но исключительно в рамках внутреннего расследования. Что же касается сувениров с логотипом фонда – эта информация меня не сильно волнует. Каждый волен распространять рекламные сувениры там, где считает нужным. Будь то элитная тусовка или барак, где живут одни пропойцы.

– Почему вы упомянули про барак? – тут же отреагировал Гуров.

– Не знаю, просто к слову пришлось. Возможно, вы раньше про барак говорили, разве нет? – засуетился Мерцхулава.

– Нет, не говорил. Так почему такая странная ассоциация?

– Да никакая это не ассоциация, зачем вы к словам придираетесь? – Глаза Мерцхулавы забежали из стороны в сторону. – Хотя, может, и так. Кажется, кто-то из клиентов упоминал про случай в бараке. Да, точно! В Интернете об этом писали, что-то про инициативу Думы и помощь социально

незащищенным слоям населения. Сами понимаете, моя работа связана с оказанием помощи таким людям, поэтому нужно держать руку на пульсе.

– Тогда фамилия Кудряшова должна быть у вас на слуху, – заметил Лев.

– Видимо, пропустил. Закружился, такое бывает, – развел руками Мерцхулава. – Уж простите.

– Значит, сотрудничать вы отказываетесь...

– Не отказываюсь, а сомневаюсь в своей полезности. Мне на самом деле нечего вам сказать, – изобразил на лице искренность директор. – По вопросам утечки информации будет проведено расследование, и о результатах я вам непременно сообщу.

На этом Гуров и Мерцхулава расстались. Первый понял, что директор фонда откровенничать не готов, второй – что сейчас лучше держать язык за зубами. Оба приняли выжидательную позицию, отчего дальнейший разговор не имел смысла.

В Управлении Гурова вновь ждал сюрприз: поступил звонок из Одинцовского отдела полиции. Дежурный сообщил, что в районном отделе с ног сбились, ищут полковника. Он прошел в кабинет и связался с Одинцовым. Там его звонка действительно ждали. Судмедэксперт, который проводил вскрытие Кудряшова, просил передать полковнику Гурову, что по его делу есть вопросы, требующие проработки. Зво-

нить судмедэксперту Лев не стал, вместо этого собрался и поехал в морг. Как выяснилось, поступил он дальновидно.

Судмедэксперт встретил его возбужденным возгласом:

– Наконец-то! Я часа четыре вас вызваниваю. Звоню одинцовцам, а они говорят – нет его, не появляется. Я им – так найдите. Раз шесть звонил.

– Что, действительно так срочно?

– Думаю, да, – ответил судмедэксперт. – Проходите в комнату отдыха, там все и обсудим. У меня как раз небольшой перерыв выпал, так что все удачно складывается. А то я уж думал, придется нам над трупом беседу вести. Сегодня день уж больно плодовитый на «жмуриков».

В комнате отдыха судмедэксперт сразу приступил к делу, по ходу наливая воду в чайник, расставляя чашки и нехитрое угощение к чаю.

– Обычно я не зацикливаюсь на телах, которые вскрываю, – издалека начал он. – На каждом трупе зацикливаться – «кукушка» соскочит. Но тут меня прям зацепило, это я про Кудряшова вашего. Вскрытие провел, отчет составил, с вами пообщался. Казалось бы, самое время забыть, выкинуть из головы и не вспоминать. У меня после Кудряшова на очереди три трупа: утопленник, умудрившийся в сидячей ванне захлебнуться, девица, возрастом чуть старше школьницы, найденная повешенной на чердаке жилого дома, и сразу двое угоревших из райцентра. Все моего участия ждут, всех нужно обработать и отчеты на места разослать. А я про

Кудряшова все думаю. Девицу вскрываю, а думаю про вашего «жмурика». Вам чай с сахаром?

Вопрос судмедэксперт задал без перехода, и Лев не сразу сообразил, что он обращен к нему. Когда сообразил, кивнул и приготовился слушать дальше.

– Так вот, сначала я не мог понять, что именно меня беспокоит, – продолжил судмедэксперт. – Дело-то простое. Огнестрел вообще нехитрая работа. Пришел, пальнул из пистолета, и кончено дело. Умом понимаю, а мозг все к пулевым отверстиям возвращается. Сколько дней мозг мысль сверлила, я уже злиться начал. И тут понял, что мне покоя не дает: характер третьего выстрела.

– И что не так с третьим выстрелом?

– С ним-то как раз все так. Этот выстрел меня на правильную мысль и навел. Понимаете, обычно контрольный выстрел делают в висок либо в сердце, приставив ствол вплотную к телу, – так пуля однозначно мимо не проскочит. Об этом даже дилетанты знают, спасибо криминальной хронике, – охотно пояснил судмедэксперт. – А тут стреляли под подбородок. Как правило, таким способом пользуются самоубийцы. В сердце страшно, в висок – рука дрогнет, а под подбородок дуло упер и гарантированно мозг вынес. Вот и здесь вроде как мозг должен был разлететься по всей комнате. Но не разлетелся. Вы помните материалы осмотра места происшествия и мой отчет?

– Помню, – подтвердил Гуров. – Про это там ни слова не

сказано.

– И правильно, что не сказано, – довольно потер руки судмедэксперт. – Потому что мозг Кудряшова остался на месте. Пуля застряла в теле, а именно – на рубеже между носоглоткой и собственно мозгом.

– И вы знаете, что это означает, – завершил за судмедэксперта Гуров.

– Знаю, – радостно подтвердил тот. – Таким способом когда-то действовал наемный убийца по кличке «ЛОР». Давно это было, потому не сразу вспомнил.

– ЛОР? Не слышал о таком.

– Конечно не слышали, он уже лет тридцать как на арене не появлялся. Я-то и то только из архивов про него знаю, сам ни одного трупа после ЛОРа не вскрывал.

– Значит, вы думаете, что ЛОР вернулся?

– Боже упаси, нет, конечно! – замахал руками судмедэксперт. – Ему сейчас, наверное, лет под семьдесят. Кто работает киллером до семидесяти?

– Тогда что? Кто-то воспользовался его идеей, изучил стиль, отработал технику и после использовал при убийстве Кудряшова? – предположил Лев.

– Похоже на то. Да вы сами его дела посмотрите. В архиве их с десятка два наберется, это только те, по которым уголовные дела возбуждали, – посоветовал судмедэксперт.

– Ну, спасибо за наводку, – поблагодарил Лев. – Правда, не знаю, поможет ли это или заведет меня еще дальше в де-

бри.

– Сложное дело? – участливо поинтересовался судмедэксперт.

– Не то слово. Что ни день, то сюрпризы.

– Ничего, как показывает опыт, чем сложнее дело в начале, тем легче его раскрыть, стоит только напасть на нужное направление, – подбодрил судмедэксперт.

– Будем надеяться, что ваша теория сработает, – улыбнулся Лев и стал прощаться. – Спасибо за помощь. Поеду в архив, просмотрю дела ЛОРа, может, и наткнусь на что-то стоящее.

От судмедэксперта Гуров сразу поехал в архив. По пути он снова позвонил Жаворонкову и дал тому новое задание: просмотреть дела по огнестрелу за последние пять лет. Искать Жаворонков должен был случаи, когда контрольный выстрел, как и в случае с Кудряшовым, убийца совершал под подбородок. Гуров рассудил, что ради одного убийства вряд ли кто-то стал бы тратить время на отработку сложного приема. Если Жаворонков найдет подобные случаи, значит, налицо плагиатор ЛОРа, и тогда напасть на его след будет гораздо проще.

Приехав в архив, он занялся разбором дел ЛОРа. Информация, собранная в архиве, содержала в себе достаточно фактов, так что Гурову без труда удалось составить портрет преступника. Первое, что обращало на себя внимание, это статус жертв, убитых ЛОРОм. Все – сплошь высокие чи-

ны, более чем состоятельные бизнесмены, даже иностранные граждане. ЛОР действовал дерзко, но обдуманно. Он ни разу не попался, даже намек на это в делах не проскальзывало.

Портретных данных на ЛОРа собрать не удалось, прозвище ему присвоили заочно, для удобства ведения протоколов. А вот заказчиков в четверти случаев следователи и оперативники вычислить сумели. Кое-кто даже признательные показания дал, но про ЛОРа только и смогли сказать, что услуги его стоят недешево.

Место действия ЛОР выбирал, ориентируясь на обстоятельства. Если жертва имела привычку к соблюдению точного графика перемещений, он вылавливал ее на маршруте. Если жертва оказывалась фанатом свежего воздуха, мог отправиться за ней и на природу, и на дачу, и даже на отдых в более дальние регионы. Когда он узнавал, что жертва питает слабость к женскому полу, мог проникнуть в бордель или на съемную квартиру. Ну, а в случае, если в люди жертву никаким калачом не заманишь, не стесняясь заявлялся домой и совершал расправу там.

Как ему удавалось уходить от правосудия? Все следователи в один голос утверждали, что это результат долгой и тщательной подготовки. С наскака ЛОР работу не делал. Пользовался всегда пистолетом системы «Макаров», без каких бы то ни было примочек. Само оружие менял, а марку – никогда. Не было у ЛОРа и фетишей, типа именных пуль или метки, оставляемой на месте преступления. По всей видимости,

к своей деятельности ЛОР относился, как к работе. Рутина – она и есть рутина, чем ее ни подслащивай.

С криминального горизонта он исчез внезапно. Просто в сводке перестали попадаться дела с его почерком. Ни к дате, ни к политическим изменениям, ни к состоянию криминального мира аналитики исчезновение ЛОРа отнести не смогли. Существовало мнение, что он скончался. Почему нет? Ведь жизнь наемного убийцы тоже не беспредельна. Аналитики с альтернативным мнением считали, что ЛОР сознательно вышел из игры. Заработал денег столько, сколько хотел, и ушел «на покой». По мнению Гурова, эта версия тоже имела право на существование.

Перелопатив гору материалов, Лев пришел к выводу, что в конкретном деле эта информация ему помочь никак не может. Да, есть вероятность, что кто-то копирует ЛОРа. Также можно предположить, что ЛОР решил тряхнуть стариной и в семьдесят четыре года снова вышел на арену. В первом случае оставалось ждать, что сумеет раскопать Жаворонков. Во втором же – надеяться, что этим делом ЛОР ограничится. Выйти на его след Гуров не надеялся. Если уж это не удалось сделать, когда ЛОР в год выполнял по три-четыре заказа, каким образом найти зацепку, когда дело всего одно?

Для очистки совести он решил все же пройтись по старым делам, хотя бы по тем, где фигурировали хоть какие-то свидетели и где удалось вычислить заказчиков. Хотел встретиться с каждым и задать конкретные вопросы. Кто знает,

может, за сроком давности кто-то из них станет более откровенным?

Всего свидетелей и заказчиков насчитывалось восемь человек. Двое из них, как выяснил Гуров, покоились на кладбище, один – в санатории для душевнобольных, еще трое проживали в отдаленных регионах, и только двое числились в Москве. Из них один – свидетель по делу об убийстве директора сети ювелирных магазинов, и один – отсидевший срок заказчик.

Первым для визита Гуров выбрал заказчика. Фамилия заказчика Суримчик показалась Льву знакомой, поэтому он и решил посетить сначала его. Суримчик Павел Петрович проживал в спальном районе среднего класса с женой и престарелой тетушкой. Тетушку можно было отнести к разряду долгожительниц, так как в этом году ей предстояло отметить свой девяностопятилетний юбилей. Все это Лев выяснил, когда приехал по адресу, записанному в деле Суримчика.

У подъезда многоквартирного дома его взяла в оборот крепкая старушка. Она стояла у подъезда, когда он припарковал автомобиль у дома. Не успел Лев выйти, как старушка напустилась на него с упреками: чего, мол, воздух во дворе своей «пукалкой» портишь? Здесь дети малые гуляют, а ты газами их травишь.

Гуров огляделся: помимо его машины во дворе стояло как минимум пара десятков автомобилей. Он неосмотрительно указал на это обстоятельство старушке, за что и попал на ее

острый язык. Минут десять та разносила его на все корки, не давая войти в подъезд. Затем вдруг утихла и как ни в чем не бывало принялась выпытывать, к кому он приехал и за какой надобностью.

«Будто с двумя разными людьми пообщался» – такое ощущение создалось у Гурова от общения со старушкой. Тем не менее от нее он узнал немало интересного о жизни Суримчика. Старушка рассказала, что Суримчик сидел, что жена его чистая «стерва», а тетушка, в чьей квартире они, собственно, и проживали, никак не помрет и не освободит жилплощадь «молодежи». «Молодежью» старушка называла самого Суримчика шестидесяти шести лет от роду и его жену, которая была и того старше.

Престарелая тетушка являлась таковой Суримчику лишь формально, на самом деле кровного родства между ними не было. Когда-то Суримчик проживал с тетушкой Региной на одной лестничной площадке, затем, во время отсидки, жилплощадь потерял, а когда освободился, Регина вдруг позвала его к себе. Почему? Зачем? Бодрая старушка не знала, но историю рассказывала с видимым удовольствием.

Из того же источника Гуров узнал, что Суримчик работает на автозаправке и получает неплохие деньги. На станцию его пристроила все та же Регина. Жена Суримчика в жизни не проработала ни одного дня, а сама Регина заправляла каким-то магазинчиком, торгующим всякой всячиной. Про нынешнее житье-бытье Суримчика старушка отзывалась как

о тухлом болоте, где из всех развлечений только комаров бить да тину разгонять. Поняв, что старушка не замолчит, пока есть слушатель, Лев решительно сдвинул ее в сторону, освободив проход в подъезд, попрощался и ушел.

Павел Петрович оказался не столь разговорчивым, как его соседка. В квартиру он Гурова впустил, изучив удостоверение, поинтересовался целью визита, а когда узнал, что речь идет о наемном убийце ЛОРе, сразу замкнулся.

– Я свое отсидел, перед обществом чист, – нехотя произнес он. – Все остальное не мое дело.

– Понимаю, желания ворошить прошлого у вас и не должно возникать, – начал Гуров. – Но так уж сложились обстоятельства, что вы – практически единственный человек, который может пролить свет на загадочную личность по кличке ЛОР. Вы знаете, что его так и не поймали?

– Жизнь ЛОРа не интересуюсь, – сухо произнес Павел Петрович.

– А вот мне приходится. Недавно произошло новое убийство. По почерку мы предположили, что исполнителем может быть ЛОР.

– Да бросьте, ему сейчас, наверное, под семьдесят! – не сдержал удивления Павел Петрович.

– Семьдесят пятый, если быть точным, – подсказал Лев.

– Вот-вот. С него песок сыпется, а вы ему дело шьете.

– Факты говорят сами за себя, – возразил Лев. – Мне и самому не хочется думать, что ЛОР снова в деле, но наши же-

лания редко осуществляются. Есть еще одна версия: у ЛОРа появился преемник, и это куда опаснее, чем престарелый киллер, взявшийся за старое. Вот почему нам нужна ваша помощь. Прошу вас, отбросьте обиду на общество, судью и прокурора. Помогите разобраться в том, что творится на московских улицах.

– Думаете, я затаил обиду на весь мир? – Губы Павла Петровича растянула саркастическая улыбка. – Напрасно. Общество я не виню, судью и подавно. Получил то, что заслужил. Только помочь вам я все равно не смогу. Знаете, сколько мне было лет, когда случилась вся эта история с ЛОРОм? Двадцать шесть. Сейчас мне шестьдесят шесть. Прошло сорок лет, и вы думаете, все эти сорок лет я день за днем прокручивал в голове события той злополучной весны? Чтобы не забыть?

– Не думаю, что вы смогли забыть, – искренне произнес Гуров. – Такое не забывается. Каким бы жестоким или циничным ни был человек, первое преступление никогда не стирается из памяти.

– Это вы из личного опыта? – поддел Павел Петрович.

– Из профессионального, – спокойно ответил Гуров.

– Ладно, ваша взяла. Я ничего не забыл, или думаю, что ничего не забыл, – вдруг заявил Павел Петрович. – Та весна оказалась для меня роковой, разве такое забудешь. Вы читали мое дело? Знаете, с кем я свел счеты с помощью ЛОРа?

– Знаю, – чуть помедлив, ответил Лев.

– Вот и делайте выводы. Я брата «заказал», убил родного брата. Каково пережить такое? – Слова звучали с надрывом, было видно, что рана еще не затянулась, несмотря на то что прошло сорок лет. – Да, он был говнюком, и даже хуже. Он всегда таким был, с самого детства. Я бы его не тронул, если бы не дерьмо, которое творилось в стране. Он меня кинул, не просто кинул, он унизил меня, оскорбил мою жену. Физически надругался, это вы понимаете? ЛОР об этом не знал, он бы не взялся. Меня заранее предупредили: кровная месть не про ЛОРа, он убирает конкурентов по бизнесу, «валит» тех, кто деньги между собой поделить не может, работает на тех, кто хочет «отжать» бизнес. Любое дело, связанное с финансовыми разногласиями, – это к ЛОРу, а если личное, то не проси. Ни за какие деньги, так мне сказали.

– Об этом я догадался, – дождавшись паузы, проговорил Гуров. – Но сейчас меня больше интересует то, что касается личности ЛОРа.

– Здесь не помогу, – вздохнул Павел Петрович. – ЛОРа сам не видел, общался с ним через посредника, и то всего два раза.

– Кто был посредником? В деле имя посредника не указано.

– Боюсь, ответ вам не понравится, – произнес Павел Петрович и, помолчав, продолжил: – Его имени нет в деле, потому что я его не называл. Меня взяли как основного подозреваемого. Мурыжили в камере две недели. Я сперва дер-

жался, а потом сломался. Не потому что били, нет. Совесть заела, представляете?

– Так бывает, – пожал плечами Лев, показывая, что слышать подобные заявления ему не в новинку.

– Может, и бывает. То, что я вам сейчас скажу, наверное, тоже бывает. – Павел Петрович втянул носом воздух и заявил: – Посредником был мой брат.

– Тот, которого убил ЛОР?

– Да.

– Как это вышло?

– Когда я узнал, что он сделал с моей женой, я решил, что больше терпеть эту пададь нельзя, и решил его убить. Сам убить. Оказалось, это не так просто, взять и лишить жизни человека, пусть ты и знаешь, что он последняя скотина, – усмехнулся Павел Петрович. – Мой брат не знал, что жена мне все рассказала. Даже не догадывался. На тот момент мы разделили бизнес, он отдал мне четверть доходов от общего бизнеса, из-за которого мы все время цапались, и отправил в свободное плавание. Я пришел к нему и сказал, что кое-кто из моих конкурентов зарвался, и я хочу его убрать.

– Брат не удивился?

– Нет. Знаете, почему? Потому что за время, пока мы работали вместе, он таким образом избавился от двух конкурентов. Я догадывался, но молчал. Когда же мы разделились, я признался ему, что знаю о том, кто виноват в смерти тех двоих. Брат не отрицал, он даже похвалил меня за «взрос-

лое» решение. И сказал, что поможет выйти на наемника. Он и помог.

– Почему же ранее вы сказали, что общались с посредником всего дважды? – задал резонный вопрос Гуров.

– Я сказал, что общался с ЛОРОм через посредника, – напомнил Павел Петрович. – По мне, так это большая разница.

– Как это происходило?

– С ним связывался брат. Каким образом? Не знаю. После того как я озвучил свое желание, он пришел ко мне ночью и сказал, что ЛОР ждет данные на «заказ». Это значило, что я должен передать ему информацию на жертву. Фото, фамилия, адрес и причина, почему его нужно убрать. Конверт с данными я должен был отнести в назначенный день в назначенное место. В моем случае это был туалет при Казанском вокзале. Третья кабинка справа. Оставил конверт в мусорной корзине.

– Что было дальше?

– Ждал месяц, потом брат пришел и сказал, что ЛОР ждет гонорар, и назвал сумму. Это означало, что он согласился. Деньги я отнес в то же место, оставил в корзине и ушел. А через три дня узнал, что брат убит. Вот и вся история.

– И вы не спросили у брата, как он связывался с ЛОРОм?

– Нет.

– И не пытались проследить за братом или за ЛОРОм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.